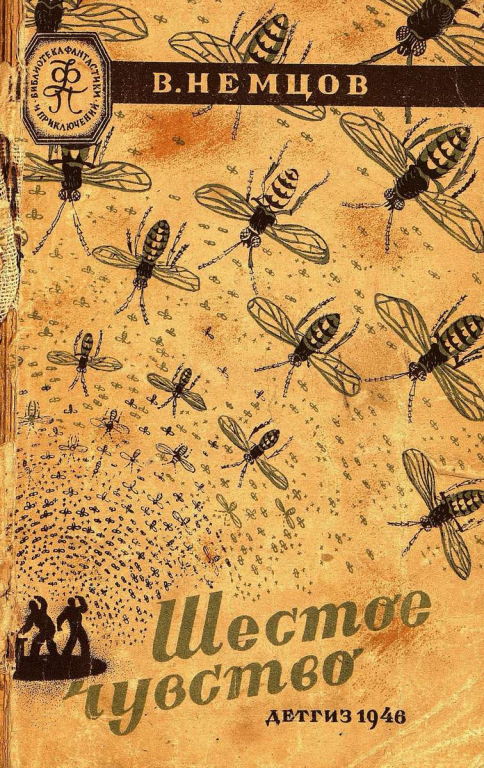

В. НЕМЦОВ

Шестое чувство

ДЕТГИЗ 1946

БИБЛИОТЕЧКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИИ

Вл. НЕМЦОВ

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Рисунки М. Гетманского

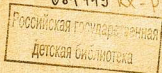
4-50

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1946 Ленинград

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит присылать свои
отзывы по адресу: Москва, Малый Чер-
касский пер., д. 1, Детгиз.

681149 Кх-редк

ОТ АВТОРА

Во многих фантастических романах и рассказах мы читали о межпланетных путешествиях, о жизни на Луне. Но, признаться откровенно, надоели марсиане, надоело скитаться в межпланетных пространствах. Скучно и холодно на Луне!

А что будет завтра на нашей Земле, у нас, в нашей стране? Даже не в стране, а в том городе или деревне, где мы с вами живем. И не когда-нибудь, через тысячелетия, а, скажем, через несколько лет.

Как хочется приподнять краешек завесы, скрывающей от нас будущее, и заглянуть в завтрашний день! Давайте попробуем.

В этой книжке рассказано, как могут повлиять успехи советских изобретателей и ученых на повседневную жизнь людей близкого будущего. Все то, о чем говорится в книге, имеет под собой реальную почву.

В самом деле, мы много работали и над вопросами защиты растений, и над увеличением скорости их роста, и над проблемами лечения болезней с помощью радиоволн, и над изобретением светящихся красок.

Мы почти вплотную подходили к решению вопросов, о которых рассказано здесь.

Конечно, автор все преувеличил и достижения первых удачных опытов довел до фантастических величин, но иначе не было бы и рассказов. Кроме того, надо сделать поправку на время: то, что сегодня для многих кажется невозможным, завтра будет реальностью.

Автору хочется, чтобы по этим маленьким картинкам завтрашнего дня читатель мог представить себе нашу будущую жизнь.

Изучая прошлое нашей Земли, читая о достижениях советских ученых, хочется помечтать о завтрашнем дне так, как мечтал об этом Мичурин, который хотел превратить нашу Землю в огромный цветущий сад.

Так давайте и помечтаем об этом.

Почему книга названа «Шестое чувство»?

Так называется первый рассказ.

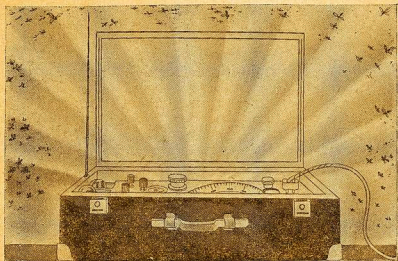
Но не только поэтому.

«Шестое чувство» — это чувство, о котором говорят по-разному. Оно связано с восприятием электромагнитных волн; говорят, что способность поддерживать равновесие тоже считается шестым чувством.

Это как-то не очень понятно. А может быть, шестое или, скажем, седьмое чувство — это способность человека чувствовать новое, видеть его во всем, в каждой мелочи?

Это драгоценное чувство, и им обладает не всякий. Автору хотелось бы, чтобы эта книжка помогла юным читателям стать более чуткими и внимательными к новому, к грядущему.

Поэтому он и назвал так свою книгу.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Небо, пески, саксаул, белые пятна селений, серебро листвы. Тонкие линии арыков и дорог, скупая зелень полей, желтый луг, стада, — и снова небо, пески, саксаул.

Все это я вижу в окно самолета, который летит на юг.

Мотор неслышно гудит, и ветер шуршит по обшивке воздушного вагона. Я тороплюсь, и мне кажется, что самолет бессильно повис в воздухе, а его черная тень застыла внизу на песке. Чуть заметно колыхнется матово-белый шелк занавесок, окрашенных радужным солнечным лучом.

Еще раз читаю телеграмму:

«Положение осложняется немедленно вылететь для помощи».

По фронтовой привычке ничему не удивляться, я немедленно выполнил приказание.

Со мной испытанный спутник моих путешествий — чемодан из черной лакированной кожи. На нем нет пестрых ярлыков, что наклеиваются в гостиницах Европы, но он бывал во многих европейских городах, там, где был фронт. Не до ярлыков тогда было.

Чемодан покачнулся, как живой, придвинулся ко мне. Самолет шел на посадку. В окно было видно, как лениво заболтался винт, закодыхались закрылки и земля, приподнимаясь, приветливо приближалась к нам.

Сели. Самолет резво побежал по аэродрому.

В открытую дверь ворвался горячий запах земли. По алюминиевой трубчатой лесенке грузно спускался второй пассажир, человек в белом пальто. Его спина полностью закрыла дверь. На мгновение мелькнул характерный профиль.

Где я видел это лицо? Не могу вспомнить.

Мы сели в автомобиль, человек в белом пальто оказался моим соседом. Я старался не толкать его своим неуклюжим чемоданом.

— Не беспокойтесь, усаживайтесь поудобнее.

«Он из этих мест», подумал я, заметив в его речи местный акцент.

И тут я вспомнил: это профессор Фараджев, видный узбекский ученый. Недавно он опубликовал свою оригинальную работу, о которой много писали в специальной прессе. Его портрет я видел на днях в газетах в связи с шестидесятилетием со дня его рождения.

— Профессор Фараджев?

— Да, это я. А вы?

Я представился и быстро заговорил:

— Рад вас видеть. Скажите, очень велики потери? Что делается в городе?

— Я вылетел из города вчера. Положение было очень напряженное.

— А как население?

— Работают и днем и ночью... Но... ничего, увидите сами. — И профессор сжал губы.

Нашествие

Выжженная земля, черные деревья, застывшие пригородные поезда. Люди посыпают рельсы песком. Солнце еле просвечивает сквозь крылатые хлопья, похожие на пепел вулканического извержения.

Мы въехали в город. Машина остановилась. Дальше ехать нельзя.

По улицам метались грязно-зеленые волны с гребня-

ми и брызгами. Казалось, что море ворвалось в город. Но до моря протянулись тысячи километров сухого песка. Это, волнами перекатываясь друг через друга, ринулась на город саранча. Она идет по асфальтовым улицам и тротуарам, по карнизам домов, ползет по трамвайным проводам, перехлестывается через замершие машины и автобусы.

Мы вылезли из машины и, разгребая руками зелено-серую массу, как будто вброд, переходили улицу, чтобы, прижимаясь к стенам домов, добраться до квартиры профессора. Это было отвратительно. С трудом преодолевая тошноту, я шагал по этим серо-зеленым хрустящим тельцам.

Из слов Фараджева я понял, что нашествие саранчи полностью парализовало жизнь города. Прекратилась подача энергии на заводы, замкнулись высоковольтные линии, в некоторых районах оборвалась телефонная связь — саранча попала в механизмы АТС.

Вентиляторы производственных предприятий засасывают саранчу во все цеха.

Саранча везде — в кондитерских, в аптеках, на ткацких фабриках, в больницах, школах, лабораториях.

Как во время наводнения, люди отстаивают каждый метр земли, но саранча просачивается всюду.

Вышел экстренный выпуск местной газеты. Он иллюстрирован приклеенными к бумаге крыльями — саранча попала в типографию.

Из труб пневматической почты вместе с патронами, куда вкладываются письма, вылетает саранча, словно известия со всех концов города.

Остановил работу хлебозавод — саранча прорвалась во все цеха. Закрылись столовые и рестораны.

В кино по экрану заматались огромные черные самолеты — это саранча влетела в лучи проектора. Стало темно. Люди ринулись из зала.

На улицах пешеходы лопатами расчищают себе дорогу. Дорога живет не больше минуты: пройдешь, и нет ее — снова сомкнулись зеленые волны.

Город задыхается.

Он стоит на пути грандиозного передвижения саранчи на восток. Дальше идут пески и степь, а еще дальше — цветущие сады Ферганской долины.

Чрезвычайная комиссия по борьбе с этим неожиданным бедствием работала уже целые сутки. Нужно было

уничтожить саранчу здесь, в городе, не допустить ее дальше. Но как это сделать?

Обычный способ опыления саранчи парижской зеленью не мог быть применен. Нельзя же засыпать весь город ядовитым порошком. Частичное уничтожение саранчи катками, которыми пользуются при заливке асфальтовых тротуаров, тоже не годилось — саранча взлетает. Ночью, когда она находится в оцепенении, ее собирают при свете прожекторов в огромные корзины, вывозят за город и уничтожают. Все организации мобилизованы на эту работу, десятки грузовиков стоят на улицах, ожидая, пока наполнятся корзины.

Но и это плохо помогает. По ночам саранча прячется, а с первыми лучами солнца вновь заливает улицы города.

Темнеет, постепенно стихает жужжание насекомых. На северной окраине города нетерпеливо пофыркивают грузовики. Так же, как и в прошлую ночь, они будут вывозить оцепеневшую саранчу.

Профессор не пустил меня в гостиницу, а повез к себе, и вот я в квартире моего нового знакомого, автора труда о жесткокрылых, известного специалиста в области энтомологии, увлекающегося ученого и обаятельного человека.

Зазвонил телефон. Фараджев, с полотенцем на шее, подбегает к аппарату, берет трубку.

— Я слушаю. Да, да, Фараджев. Что? Сернистым газом? Как подействует? Обыкновенно. Сдохнет, говорю! А люди? Люди тоже. Как устроить? Поймать саранчу в сарай и там окуривать? А как поймать? Не знаю. Вот и предложите.

Вешая трубку, он замечает:

— Мне говорят: «Ты специалист, ты все знаешь. Как уничтожить саранчу, как спасти сады и виноградники?» А я не знаю, я ничего не могу предложить.

Снова звонок.

— Горит ли саранча? Почему не горит? Горит с керосином. Можно ли ее зажигать? Поймай, потом жги, пожалуйста. На улице? Как можно! Город сгорит. Саранча по всем щелям расползется.

Опять звонок.

— Сколько машин? Семьдесят. Не забудьте на южной окраине прожекторы... Ну, идем в кабинет, — сказал профессор, взяв меня под руку. — Может быть, вместе что-нибудь придумаем.

Тысячи видов жуков

Кабинет профессора. На стенах стеклянные ящики. В этих саркофагах торчат на булавках мумии бесчисленных жуков.

Жуки для профессора священны, как для древних египтян. Кажется, что они спят в прохладной тишине кабинета многие столетия. Тут покоятся мумии жуков всех стран мира. Они отличаются друг от друга цветом и формой, но все они — враги человека.

В одном стеклянном ящике собраны жуки с ласковым названием: «слоники». А слоники эти бывают разные — свекольные, гороховые, капустные.

Тут были забавные жучата точильщики под названиями: хлебный, мебельный, домовый или просто жук сверлило. Здесь же торчал на булавке ехидный жучок, которого в ученых книгах называют «притворяшка-вор». При жизни все эти точильщики и притворяшки, как могли, портили усатые колосья, сизые капустные листья, стропила дачных крыш, спинки и ножки стульев и даже коллекции профессора. А сейчас они выстроились в ящиках за толстыми стеклами.

Профессор зажег настольную лампу. Вспыхнул огонек под зеленым куполом абажура.

Медленными шагами Фараджев подошел к двери, потушил люстру, открыл окно. Саранча спит, никто не нарушит тишины профессорского кабинета.

Профессор опустился в кресло и задумался. Прохладный ветер шевелил его волосы. Я решил первый прервать молчание:

— Вам известна цель моего приезда? Правда, я еще не уверен в успехе, но выхода у нас как будто бы нет, надо начинать.

— Что потребуется от меня? — спросил профессор.

— Ваша консультация и, если хотите, участие в первых испытаниях.

Профессор схватил шляпу.

— Хочу ли я? Как можно сомневаться! Едем сейчас.

— Прекрасно. Но ехать никуда не надо. Разрешите начать опыты здесь?

Профессор смутился.

— Не понимаю, но... пожалуйста.

Я громко крикнул в коридор:

— Где мой чемодан?

Чемодан принесли.

— Вот видите, здесь аппарат. Провода, рычажки, ручки, обыкновенный шнур, как от электрического утюга. Вставим его в розетку. Слегка жужжит трансформатор, что-то внутри светится. Ничего особенного, обычный прибор, вроде приемника или электропатефона. Но если бы вы знали, профессор, как мне сейчас страшно! Как будто я впервые разряжаю мину новой конструкции. Два года непрерывной работы, мучительные поиски неизвестного, тысячи ошибок — все свелось к этой минуте. Вот я повернул правую ручку, аппарат включен. Чувствуете ли вы, как длинна эта минута?

Профессор взглянул на часы. В комнате стояла напряженная тишина. Но вот что-то ударилось о стекло и упало на подоконник.

Профессор осторожно взял лупу, нагнулся и заметил:

— Обыкновенный нехрущ, разновидность майского жука. Странно, они обычно в комнаты не залетают.

— Он в этом не виноват. Видимо, мои опыты дают какие-то результаты, — взволнованно проговорил я. — Как вы думаете, профессор?

— Я пока ничего не понимаю. При чем тут случайно залетевший жук?

— Случайно? Нет, это не один жук. Смотрите! Принимайте первый десяток, принимайте второй.

Ударяясь о стены, метались по комнате жуки.

Профессор бегал за ними с лупой.

— Замечательно! Но где же саранча?

— Не всё сразу. Вот попробуем дать другую настройку.

С ревом, как стая самолетов-бомбардировщиков, ворвались в окно огромные черные жуки.

— Опять не то!

— Это жук олень, один из самых крупных европейских жуков; их не так много, всего шестьсот видов, — пояснил Фараджев.

— Что же нам делать? Пожалуй, все шестьсот видов жуков прилетят к нам по очереди, а саранчу мы так и не поймает. Попробуем поставить на четырнадцатое деление.

За окном послышалось тихое жужжание.

Сотни слепней влетели в комнату. Они обжигали лицо и руки, точно крапива. Было страшно открыть глаза.

Профессор стонал и ругался.

Я бросился к окну, рама не закрывалась.

— Скорее поверните ручку, ничего не вижу! — кричал я профессору, дергая застрявший крючок рамы и закрывая лицо рукавом.

— Куда повернуть?

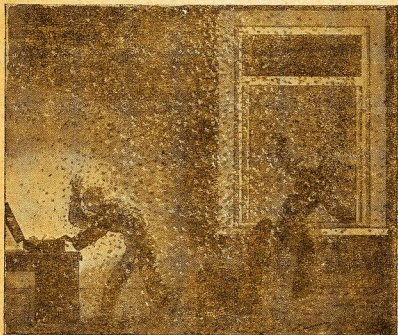
— Направо. Только скорее, а то они всё летят и летят.

Профессор резко повернул ручку вправо. Я все еще не мог справиться с проклятым крючком.

В верхнюю раму застучал дождь.

Это были маленькие жучки щелкунчики. Они лезли за воротник, путались в волосах, забирались в ноздри и рот. Профессор растерянно вертел ручку аппарата.

В окно ломились жуки — носороги, навозники, могильщики, дровосеки, древоточцы, прыгали скакуны, усачи. Царапались жуки разных профессий — короед-микрограф, короед-типограф и даже короед-стенограф.

— Скорее поверните ручку, ничего не вижу! — кричал я профессору...

Профессор оставил ручку аппарата и бегал по комнате с лупой, восхищенно рыча:

— Чудный экземпляр! Это же новый вид афодия. Вы только посмотрите — десятичлениковые усики. Вы когда-нибудь слышали про такого?

— Не то, все это не то, профессор! Скоро утро, а саранча не появляется. Скажите, у нее усики короче, чем у жука оленя?

— Нет, длиннее.

Я взял логарифмическую линейку и подсчитал.

— Значит, где-нибудь здесь. Будем искать на соседних делениях. Только бы успеть до рассвета, а то саранча и без аппарата влетит в окно. Что ж, поставим сюда.

Через минуту зеленоватое облако саранчи повисло в комнате.

Дальнейшее казалось мне простым и ясным.

Саранча летит за нами

Мы вышли на улицу. Стало уже рассветать, вновь заплескалось зелено-бурое море. Наступил третий день власти саранчи.

Мы подошли к входу в огромный подвал. Сквозь решетки окон смотрела на улицу черная пустота.

Спускаемся вниз. Глубоко в темноте теряются своды, как арки странных подземных мостов. Туманный рассвет ползет в окна. Тишина. Хрустит песок под ногами.

Нам нужно найти электропроводку. Вот она.

— Ну, профессор, теперь со всех улиц сюда полетит саранча. Пожалуй, и ваши жуки из коллекции сорвутся с места и примчатся к нам. Так с булавками и прико-выляют.

Аппарат включен. Минута молчания...

Робко зашелестели первые любопытные саранчовые разведчики. И наконец полилась бесконечная масса насекомых.

Уже почти доверху закрылись решетчатые окна, но журчащий и жужжащий водопад льется непрерывно.

Профессор стал на скамейку, прижался к стене и с немым удивлением смотрел на поднимающуюся снизу шелестящую массу. Поток поднялся уже до уровня скамьи. Руки профессора шарили по стене.

В дверь ворвалась новая волна. Стало душно. Каза-

лось, мы утонем в этой вязкой трясине сплетенных насекомых. Окна и двери уже закрыты доверху.

— Они теперь полетят все сюда и без вашего аппарата. Стоило только начать, — говорил Фараджев. — Идемте искать другой подвал. Пробирайтесь к двери!

Но это не так-то просто. Густой стеной встала саранча на нашем пути.

Осталось только узкое пространство, не заполненное серо-зеленой массой.

Как же выбраться из этого подвала?

Мне показалось, что в потолке виднеются очертания квадратного отверстия, закрытого тяжелой крышкой.

— Сюда, профессор, сюда! Давайте аппарат, скамейку. Вот так! Взбирайтесь первым вы.

Крышка не поддавалась. Мы принялись стучать. После долгого мучительного ожидания нас наконец услышали. Крышку открыли. В подвал ворвался поток свежего воздуха, и нас вытащили.

А саранча все ползла и ползла.

Когда мы немного пришли в себя, я спросил:

— Неужели их так много?

— Много? Нет, это мало! — обиженно заявил профессор. — История знает случай, когда саранча занимала пространства в сотни и тысячи километров. Это были горы саранчи. Такая стая может весить десятки миллионов тонн. Если бы мы не уничтожали саранчу заранее в местах ее возникновения, то страна ежегодно теряла бы тридцать миллионов золотых рублей. Вот что стоит саранча!.. Ну, разрешите вас поздравить, ваши опыты дают все основания предположить, что вы нашли самый действенный способ борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Теперь саранча в наших руках.

— Но это еще не все, профессор. Работа только начинается. Идемте.

В комиссии по борьбе с саранчой никто ночью не спал. Люди сидели с зеленоватыми лицами, не отходя от аппаратов полевого телефона. По последним сводкам, саранча начала свое медленное движение на восток. Можно было ожидать, что сегодня вся стая, согретая лучами солнца, поднимется в воздух. Метеорологи, как назло, предсказывали солнечную погоду.

Председатель комиссии, небритый, с красными от бессонницы глазами, подошел к нам:

— Ну, как? Что-нибудь придумали?

— Конечно, придумали. Надо освободить подвалы для саранчи.

— Что же, она сама туда полезет? — иронически спросил кто-то.

— Нет, мы ее заставим.

— Чем?

— Аппарат такой придумали.

Через час все крупнейшие подвалы в городских зданиях были освобождены и подготовлены для саранчи. Мы поочередно опускали в темные решетчатые окна включенный аппарат и ждали, пока помещение не заполнится почти доверху. Тогда аппарат вынимался, окна подвала заваливались досками и землей.

Так прошел весь день. Саранча была заперта в тридцати подвалах города. Комиссия разрабатывала наиболее простые способы ее уничтожения.

Город вздохнул свободно.

Мы стояли у открытого окна и с волнением наблюдали, как умывался и чистился город после нашествия саранчи. В воздухе мелькали только одиночные мечущиеся стайки насекомых.

Зазвенели трамваи, слышались автомобильные sireны. Солнце выглянуло из-за тучи и осветило растерянные, но радостные лица прохожих. Пожарники мыли тротуары, очищая их водяной струей. Вымытые улицы сверкали, как после весеннего дождя.

Пришел дворник и, звеня ключами, спросил:

— Так вот, эта самая саранча заперта у нас в подвале. Что дальше с ней прикажете делать, профессор?

Фараджев вскинул на лоб очки и ответил:

— Пока там решают в общем масштабе, куда девать саранчу, вызови по телефону бригаду, помнишь, что в прошлом году крыс у нас в доме уничтожала. Они найдут способ расправиться с саранчой. Начнем с нашего дома. Да не забудь договориться о том, чтобы эту мертвую нечисть вывезли на огород. Прекрасное удобрение, — и профессор ловким щелчком смахнул притаившееся у него на рукаве серо-зеленое насекомое.

А за окном звенели трамваи, смеялись дети и дворники в белых фартуках подметали улицы.

— Я вспоминаю недавние годы, — говорил профессор. — Саранчу привлекали не волны вашего аппарата, а богатства — необозримые поля, чудесные города нашей родной страны. Саранча была безжалостна и неумолима,

она сожрала все на своем пути. Стояли обнаженные деревья, с черными, обугленными ветвями. Такие, как в этом саду. Далеко зашла немецкая саранча... Но мы знали, как с ней бороться. Мы ее уничтожали по частям — под Москвой, у Волги, у Курска, на Украине. Прошла саранча, и нет ее, но черные трупы деревьев, разрушенные остовы домов, голая, безлюдная земля еще долго напоминали нам о ней. И этого нашествия мы никогда не забудем.

Профессор снова подошел к окну. Садовники посыпали аллею песком, высаживали на клумбы цветы...

Мальчишка выскочил на бульвар, удивленно посмотрел на обглоданные ветви деревьев и бросил в воздух красный мяч. Он медленно падал, сверкая на солнце радостной ракетой.

Необходимые доказательства

За километры летят жуки и бабочки в гости друг к другу.

Не зная адреса, они в темноте спускаются в нужном месте, как крохотные самолеты при слепой посадке.

И мне кажется, что они летят на невидимые огни радиомаяка, как самолеты с радиоконпасом.

В самом деле, как насекомые находят друг друга?

Ученые говорят, что у насекомых есть таинственное «шестое чувство», которым они пользуются. Что-то вроде особого обоняния.

А может быть, таинственное «шестое чувство» — это радиоволны, что излучаются антеннами насекомых? Усики жуков и бабочек так и называют по-гречески «антенна»; отсюда и пошло это название для высоких мачт и проволочных усов, что всем нам известны.

Летают жуки с усиками-антеннами, с радиостанциями микроволн, и нет человека на земле, который мог бы создать такой необычайный прибор. Уж очень он мал. Какие были бы нужны для него детали?

Например, катушка, определяющая волну, должна быть диаметром в один миллиметр; такой же крошечный нужен конденсатор.

А что касается усиков-антенн, то у жуков они выполнены прямо как по расчету. Если, по нашему предположению, радиостанции насекомых работают на мил-

лиметровых волнах, то при размере усика в пять миллиметров длина волны будет в четыре раза больше, то есть двадцать миллиметров.

«Но ведь усики не из проволоки», скажете вы.

Это ничего не значит: микроволны могут излучаться антеннами из диэлектрического материала, антенна может быть даже из эбонита. Это доказывают многочисленные опыты наших ученых.

Возможно, что жуки работают на радиостанциях только во время полета, потому что микроволны лучше всего распространяются в пределах прямой видимости. Чем выше поднята радиостанция, тем дальше слышно. Так говорит теория.

Видимо, это знают жуки и бабочки.

Я помню, на фронте у маленькой радиостанции, что высунула тонкий прут антенны из окопа, вились майские жуки. Они слетались, как на свет. Свет — это ведь тоже микроволны. Может быть, какие-нибудь далекие обертоны маленькой радиостанции взволновали жуков и привели их ко мне.

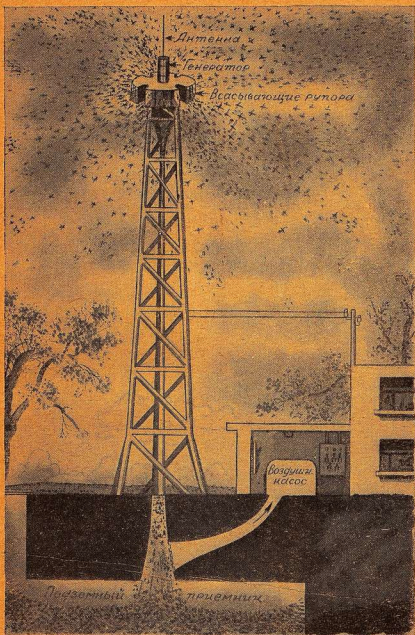
В то время изображения любопытных жуков переселились на страницы моих тетрадей и чертежей. В перерыве между боями я рисовал их усики, вычисляя миллиметры волн, чертил детали аппарата. И когда я приехал в родной город, аппарат «шестого чувства» стал темой моей новой работы в институте.

Я надеялся создать мощный ламповый генератор в диапазоне «белого пятна», где раньше волны получались косвенными путями и обнаруживались только специальными приборами — так ничтожна была их мощность. И это мне удалось.

Я хотел настраивать свой генератор на любую волну, принимаемую усиками насекомых. Поэтому я думал, что ко мне будут прилетать то жуки, то слепни, то саранча. Так и получилось.

Впереди очень много работы.

Мы будем строить специальные радиостанции, разбросанные по всем районам, с мощными генераторами микроволн. Отовсюду, со всех полей и садов, будут слетаться крылатые вредители, чтобы больше никогда не вернуться обратно. Наши тучные земли, зеленеющие луга, сады, что покрыты розовыми облаками цветущих яблонь, позабудут о том, что когда-то существовали странные звери — жуки, бабочки, саранча, все, что не

На сотни километров будут излучаться микроволны с высоких антенных башен...

2 Шестое чувство

Российская государственная
детская библиотека

681149

дает растениям свободно цвести и жить. На сотни километров будут излучаться микроволны с высоких антенных башен, мощными насосами через огромные трубы будут засасываться под землю тучи жужжащих врагов, чтобы превратиться в удобрение, от которого еще сильнее цветет земля.

Помню, как во время войны, в сырой землянке, над которой трепетала гибкая тростинка антенны, я видел в своих мечтаниях высокую башню антенны среди мирного поля и белый домик под ней. В этом домике на стене висит листок бумаги, где дежурный техник написал:

«9 июня с 17 ч. 30 м. до 19 ч. ликвидация майских жуков — волна 16 миллиметров, мощность 150 ватт. 10 июля — ликвидируется бабочка капустница, волна 22 миллиметра, мощность 200 ватт».

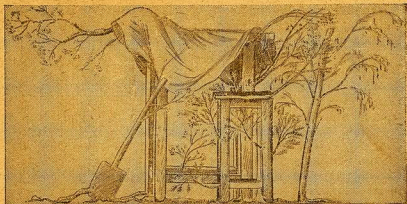
Возможно, так будет. Но и это не все. Надо найти еще более короткие волны, которые, может быть, излучаются комарами, мухами и другими мелкими насекомыми.

Тогда, уничтожив всех комаров, мы освободим страну от малярии. Мухи перестанут разносить болезни. У них у всех будет одна дорога — в трубы подземных приемников. Чтобы посмотреть на вредных насекомых, люди пойдут в музеи, как теперь ходят смотреть вымерших доисторических животных, когда-то населявших мир. Дикie пчелы прилетят в наши ульи с полным запасом душистого меда. Им покажет путь волна наших генераторов.

Милости просим, любезные гости!

Вам мы очень рады!

«СНЕГИРЕВСКИЙ ЭФФЕКТ»

Прежде чем перейти к изложению сущности всех происшедших событий, которые в этом рассказе называются «снегиревским эффектом», я должен сначала ознакомить читателя со страницами одного дневника, происхождение которого будет ясно из дальнейшего...

Дневник журналиста

24 июня

По старой фронтовой привычке, вновь начинаю вести свои путевые записи.

Сегодня перед отъездом, взглянув из окна своей московской квартиры на аккуратно подстриженные деревья в сквере, я вспомнил о тонких деревцах с черными, обожженными ветками...

Это было за Мелитополем.

Еще впереди гремел орудейный гром. У дороги валялись трупы лошадей, исковерканные танки, перевернутые автомашины.

Мы тогда ехали на запад, догоняя наступающие части Красной армии. Опушенными ветками, обугленными стволами, вывороченными корнями встречали нас знаменитые когда-то сады Мелитопольщины.

Тонконогие, худосочные деревца жались к дороге. Они были посажены незадолго до войны, но немногие из них уцелели.

Белый столб, криво прибитая доска, на ней надпись: «За порчу деревьев — трибунал».

У каждого деревца подпорка — кол или сломанный шест полевой телефонной линии. Деревцо заботливо привязано мочалкой.

Я был потрясен трогательной простотой советского солдата, его человечностью и хозяйской заботливостью.

В смертельных боях продвигаясь на запад, в разрывах снарядов, в дожде взметенной земли он думал о нашем «завтра» и о тех, кто будет отдыхать под сенью зеленых ветвей у этой дороги.

У французов во время революции был хороший обычай сажать деревья при дорогах; их называли «деревья свободы» и часто украшали красными шапками.

Может быть, русский солдат, освобождая свою священную землю, тоже думал о «деревьях свободы», что напомнят нашим детям и внукам о тех днях, когда их отцы и деды воевали за свободу страны.

Мы любим наши леса, сады, парки, нам дорого каждое деревцо, где бы оно ни было — в Заполярье или в долине Ферганы. Мы связываем наше понятие о родине с сиренью под окном, тенистым садом у дома, лиловым лесом за рекой.

Если б хоть на минуту представить себе нашу родину без лесов, тайги, садов, парков, огромным пустынным пространством легла бы земля с пересохшими реками и желтой травой. Земля стала бы немой без пенья птиц, журчанья ручьев и шелеста листьев.

Такой хотели видеть нашу страну враги. Они сжигали леса, вырубали сады, мяли и крошили молодые побеги. Черные пятна огромными пространствами лежали на нашей земле.

Мы все можем построить. Я помню, еще не кончилась война, а в города уже везли кирпичи длястроек, росли новые дома, цвели цветы, зеленели газоны, но сады и парки, что были сожжены, темнели, кладбищем. Издалека привозили молодые деревья, сажали их, но они долго болели и не хотели расти на непривычной для них почве.

Десятки лет нужно ждать, пока сядешь отдыхать под раскидистым деревом. Долга жизнь деревьев.

Сосна живет четыреста лет. А дерево веллингтония, растущее в Америке, переживет далекие века и увидит, как меняется лицо мира. Живет это дерево четыре с половиной тысячи лет и многие десятки лет считается маленьким.

Как-то на Кавказе в Институте растениеводства мне предложили маленький росток пальмы. Он гордо торчал из глиняной банки.

— Вот возьмите на память. Эта веерная пальма очень красива и быстро растет.

— А как быстро?

— Лет через семь у нее уже будет несколько листьев.

— А когда же она действительно будет пальмой, чтобы стоять в комнате на полу?

— Да как вам сказать... Тоже скоро — лет через двадцать пять.

Так долго растут деревья.

Я помню, что когда кончилась война, дети сажали «деревья свободы» в память освобождения родины.

Вместе с нашими детьми тянутся вверх молодые деревца и вырастут вместе с ними.

Но как бы хотелось, чтобы деревья росли и для нас... скорее!

Впрочем, я чересчур раз мечтался.

Сегодня меня вызвал редактор:

— Ну, Горин, довольно повоевал на заграничных землях, посмотри теперь на нашу советскую деревню, как она восстанавливается после войны. Поезжай в любое место, но только скорее. Лучше всего завтра.

Дома я нашел старую фронтовую карту, всю исчерченную цветными карандашами, закрыв глаза, ткнул пальцем куда-то и прочел: «д. Снегиревка».

По телефону заказал билет.

Экспресс Москва — Киев, вагон № 5, место № 16.

25 июня

От Киева я ехал 150 километров на автобусе по гладкому, как зеркало, шоссе. Сошел у автовокзала, отсюда до Снегиревки надо проехать еще пять километров. Я решил пройти пешком. На пути стояла деревня Старые Липки.

При отступлении немцев она была почти полностью

сожжена. Сгорело все: колхозная ферма, школа, дома, сады и окружающие деревню леса.

За последний год все было отстроено заново и, как говорят колхозники, значительно лучше прежнего.

Только нет лесов и речка пересохла.

Люди вспоминают чудесные вишневые сады, тополя у деревенских хат и заросли ивняка у глубокой студеной реки.

Старики вновь сажают крохотные прутики вишневых деревьев, ездят за многие километры, для того чтобы привезти молодые деревца из далекого леса. Заботливо поливают их, вздыхают и качают головами:

— Не дожждаться нам. Нет, не дожждаться.

В колхозе все есть, жизнь течет привольная и счастливая. За один год люди смогли сделать ее такой. Но сколько лет нужно им ждать, чтобы вновь возродились сады и леса!

Я прошел Старые Липки. Дорога поднималась вверх. Серая пыль над ней казалась туманом, как над рекой. Я взобрался на холм. Но где же Снегиревка?

Черная земля, обгорелые пни, обломки кирпичей...

Посмотрим карту. Деревня должна быть здесь, лес тоже.

Оказывается, я очень неудачно поставил точку на карте.

Внизу, у высохшей речонки, светлели четыре новых дома. Оттуда ко мне поднималась женщина. Ветер развеивал ее темный платок. Издали казалось, что над ее головой какая-то птица размахивает крыльями.

— Где же деревня Снегиревка? — спросил я.

— А вон там! — и она указала мне на какой-то светлый силуэт на горизонте.

— А здесь что?

— Была Снегиревка, только ее немцы сожгли, а мы заново выстроили, вон там, за бугром. Здесь тоже новая деревня будет. Четыре дома уже готовы. А вы до Снегиревки прибыли? — спросила она, затянув узлы платка.

— Да.

— Так отдыхайте здесь, а утречком дойдете.

Мне было все равно.

26 июня

Как известно, с годами мы теряем способность удивляться. Чувство удивления — привилегия молодости. Мне

жаль расставаться с этим прекрасным чувством, и, может быть, я иногда жалею о том, что слишком много видел. В этом повинна моя профессия журналиста.

И, кажется, если завтра мне предложат лететь на Луну, я попрошу в аэровагоне нижнее место.

Только, пожалуйста, не боковое.

Но сегодня я снова могу смотреть на окружающее расширенными глазами, как в молодости. Ещё остались удивительные вещи на земле.

Ранним утром я подошел к окну и увидел, что за ночь вырос забор.

Если бы кто-нибудь другой сказал мне эту фразу, я бы подумал, что энтузиасты колхозной бригады построили забор скоростным методом.

Но здесь было другое. Забор вырос так, как растут деревья: с ветвями и листьями.

Я не поверил своим глазам. Вчера я видел голые столбы и доски, а сейчас это уже полузабор-полуаллея. Из досок лезут ветки. Листья шевелятся, как будто бы они здесь росли с самой весны.

Странный забор! Какие только ветки из него не торчат: дубовые на мощных опорных столбах, тонкие прутики березок с нежной зеленью, узорные листья клена, колючая хвоя сосны, распластанные лапы елок. Видимо, строительного материала было немного и на этот комбинированный забор пошли разные доски.

Я помню с детства, как устраивали живые изгороди, забивая в землю ивовые колья. Деревья быстро принимались, и уже на следующий год пышные ветки украшали изгородь.

Но для этого колья должны быть свежими и от живых деревьев.

А сейчас за одну ночь забор расцвел и ворота украсились еловыми ветками, как во время праздника.

Все большие и малые обитатели четырех домов собрались посмотреть на это чудо.

Какой-то любознательный паренек осматривал каждую ветку, стараясь понять, как она выросла на гладком заборе. Может быть, кто-нибудь просто воткнул ветки в просверленные дырки?

У телеграфных столбов между фарфоровыми стаканчиками тоже выросли сосновые ветки, а сами столбы покрылись розово-лиловой корой.

С вечера кто-то оставил у крыльца палку, а сегодня

она пустила корни, и на ее ручке показались ореховые сережки.

Это напомнило мне когда-то читанную историю о том, как Моисей воткнул посох в землю и он расцвел.

Деревянная лопата, что мирно стояла в хлеву, вспомнила время, когда была березой, и решила украсить себя зеленым веником; ее корни глубоко ушли в унавоженную почву.

Хозяйка моей квартиры, пришедшая убирать хлев, плача и ругаясь, дергала из земли лопату и кому-то грозилась:

— Я ему, белобрысому, все космы повыдергаю!..

Стол и табуретки, что вчера стояли под деревьями, тоже пустили корни — приросли к месту.

Вот уж действительно точное определение, ничего не скажешь.

Скатерть пузырями поднималась вверх.

Я приподнял ее. По углам стола торчали узловатые ветки, осыпанные бледнорозовыми цветами.

То цвела груша, из которой когда-то сделали стол. Табуретки некстати покрылись колючими сосновыми ветками.

Еще в детстве в Художественном театре я видел волшебную сказку «Синяя птица». В ней пробуждались души вещей, вещи становились живыми. Так и здесь пробудились души деревьев, из которых сделаны вещи.

27 июня

Я проснулся рано, солнце светило прямо в глаза.

В окне сплошное небо.

Странно! Неужели только что выросший живой забор, что защищал окна от солнца, уже снесли? А может быть, он так же таинственно исчез, как и появился?

Не успел я об этом как следует подумать, как со двора донеслись взволнованные женские крики. Я выбежал на крыльцо и еле удержался за перила лестницы.

Дом стоял на сваях! Видимо, столбы фундамента выросли за ночь, и дом превратился в купальню, из которой ушла вода. Лестница висела в воздухе, подпертая двумя столбами. Хозяйка смотрела вниз, не зная, как спуститься на землю. Она плакала от страха и удивления.

Я повис на руках и прыгнул. Заплаканная женщина сошла вниз по приставной лестнице.

Я отошел подальше и посмотрел на свое жилище. Такое сооружение я видел в старой хрестоматии: на берегу моря, как будто по колено в воде, торчали дома на сваях; под картинкой было написано: «Дома в Новой Гвинее». Здесь такая архитектура, пожалуй, не совсем оправдана — воды кругом нет, если не считать высохшей речонки.

Соседняя хата тоже поднялась на полметра.

Стол вырос метра на два вверх, превратившись в беседку, украшенную цветами груши.

На тонконогих сосенках взвились вверх табуретки.

Какие гиганты будут пить чай за этим столом?

Старик с зеленоватой бородой смотрел вверх и удивленно качал головой. Ребятишки уже карабкались по сучковатым ножкам стола и табуреток, пытаясь добраться до верхних площадок. Моя хозяйка перебиралась к соседям, осторожно спуская по лестнице свои многочисленные узлы.

На соседнем дворе я увидел два столба, которые, как корабельные мачты, торчали в синеве утреннего неба. Столбы были украшены зеленью. Между ними струной натянулась веревка, на которой, как сигнальные флаги, плескались на солнце разные принадлежности мужского и женского костюма.

Казалось, что белая рубашка с длинными рукавами удивленно размахивала руками. Яркожелтый носок медленно падал с высоты, как осенний лист.

Взволнованная женщина бегала от столба к столбу и что-то кричала, указывая вверх.

— Как же это ты, голубушка, ухитрилась там белье развесить? — спрашивал старик, пряча улыбку в бороду.

— Вчера-то столбы махонькие были, — смущенно отвечала она.

28 июня

Не спалось. Было страшно: вдруг откроешь глаза и окажется, что ты поднят необыкновенным домкратом еще метров на десять! Тут уж лестница не спасет.

Что это за таинственная сила гонит мертвое дерево вверх? Как высоко могут подняться столбы?

Я начал вспоминать.

Предположим, что столбы фундамента сосновые. Сосна может достигать сорока метров высоты. Ну, пожалуй, это не так страшно — всего сорок метров.

Но я помню, что есть деревья выше. Например: в далекой Австралии растут самые высокие в мире деревья — эвкалипты, их высота может достигать 150 метров.

Какое счастье, что столбы, на которых держится изба, не из этого дерева!

Сон берет свое, и, засыпая, я вижу австралийские эвкалипты и себя спящим на ранце парашюта вместо подушки...

Сухой короткий треск, как выстрел. Мгновенно, по военной привычке, я на ногах. Лунный свет дрожит на половицах. Одна из них взломана и приподнята. Воры? Я притаился в углу. Что ж, добро пожаловать. Медленно приподнимается половица, трещат разрываемые волокна. В волнении я сжимаю в руке ножку стула.

Тишина, все замерло. Напряженно всматриваюсь в освещенный квадрат пола.

Снова треск. Половица отскакивает, и из черной пустоты показывается... столб. На его шершавых боках смущенно вздрагивают дубовые ветки.

«Этот новорожденный малютка опередил все. Если он и дальше будет расти с такой же скоростью, то завтрашней ночью выдавит потолок», подумал я, ставя стул на место.

Значит, какая-то неведомая сила различно действует на разные породы деревьев: одни растут быстрее, другие медленнее.

Хорошо, что четыре столба по углам оказались из одинакового дерева. Иначе что бы было!

29 июня

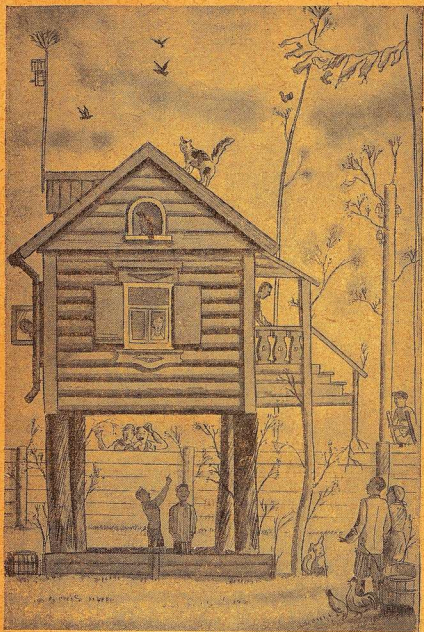
Я предупредил своих соседей, что до выяснения причин всех этих чудес не следует говорить о них в Снегиревке.

Посылаю уже третью телеграмму в Москву, чтобы выслали комиссию из Академии наук. Пока ответа нет.

Если в течение двух дней никто не приедет, я сам вылечу в Москву.

Мертвое дерево живет. Кто бы мог поверить? Вероятно, в Москве меня считают сумасшедшим. Но как им доказать, что я не сошел с ума и все это правда?

В новом доме у реки живут отдыхающие из какого-то наркомата. Есть там один военный, я с ним беседовал два дня тому назад. Он успокаивает. «Это, — говорит, — местное явление, ничего страшного».

Столбы фундамента выросли за ночь, и дом превратился в купальню, из которой ушла вода.

Мне почему-то кажется, что этот человек кое-что знает. Надо проследить!

Почему он так спокоен, этот военный? Почему они все так спокойны?

А я снова не буду спать эту ночь.

И это человек, который никогда не удивляется...

Ничего, терпение... Приедет комиссия, все станет ясно. Назовут это явление «снегиревский эффект», и я буду читать об этом в газетах, как посторонний. Обидно все-таки...

На этом записи в дневнике журналиста Горина обрываются.

На следующей странице была от руки нарисована карта, где обозначены вновь выстроенные четыре дома, вокруг них разбросаны кружки с цифрами.

Страница напоминала план минного поля.

Я пытался разобраться в этих необычайных сочетаниях кружочков и цифр на плане местности, но мои попытки ни к чему не привели.

Дневник мне передала хозяйка дома, где жил журналист. Эту тетрадь она нашла на лестнице.

Где же автор дневника?

Горин пишет в своих записках, что он беседовал с каким-то военным два дня тому назад. Видимо, это касается меня. Действительно, такой разговор имел место. Я пытался успокоить взволнованного журналиста, но, вероятно, мои убеждения его не удовлетворили.

Самое главное заключается в том, что журналист куда-то ушел еще вчера вечером и до сего времени не появлялся. Это кажется очень странным, так как в деревне, состоящей из четырех домов, пропасть нигде: кругом голые поля, без единого кустика, вода в речке пересохла, до новой деревни Снегиревки далеко, а здесь даже спрятаться невозможно.

Я чувствовал себя несколько смущенным и даже виноватым. Мне казалось, что исчезновение автора дневника как-то косвенно связано со мной. Я вчера целый день не выходил из дому, поэтому растущие дома, о которых написано в дневнике, явились для меня полной неожиданностью, так же как и исчезновение журналиста. Но что с ним случилось? Вот уж непредвиденное осложнение! Жители четырех домов и особенно хозяйка журналиста очень встревожены.

Вечером, когда я пришел к ним, у ворот меня встретил старик с ржавой двустволкой за плечами. Он посоветовал мне взять для розысков его собаку.

— По утке она у меня специалист большой.

Я с сомнением посмотрел на кудлатую собачонку и заметил:

— Хоть это и довольно узкая специальность, все же попробуем.

Я дал собаке понюхать дневник Горина. Рыжая собачонка беспомощно и близоруко тыкалась мокрым носом в строчки, как бы стараясь прочитать их. Потом выпрямилась, внимательно посмотрела на окружающих, тоненько тявкнула и бежала вокруг нас, как наездница на арене цирка, наклоняясь внутрь круга.

Вдруг собачонка резко свернула в сторону, понюхала какую-то воткнутую в землю палку и, не отрывая носа от земли, зигзагами заковыляла по тропинке. Тропинка вела к старому, почерневшему сараю, на котором издали, как почтовая открытка, светлела новая дверь.

Все местные жители вышли из домов, желая кто как может принять участие в поисках.

На одной ноге скакали ребяташки с обручами и самокатами; завязывая на ходу узлы платка, бежала хозяйка; степенно попыхивая цыгарками, шли два бородача; осторожно, стараясь не запылить ослепительно блестящие сапоги, несколько поодаль плыли франтоватые парни.

Все лица выражали явное нетерпение. Исчезновение журналиста люди связывали с чудесами последних дней. Может быть, когда его найдут, все разъяснится.

Черный покосившийся сарай, светлая, свежевоструганная дверь.

Собака бросилась к двери сарая и, тявкая, подпрыгивала. Старик с двустволкой первый подошел и взялся за ручку.

— Кажись, заперта, — неуверенно сказал он.

— Тоже придумал! У нее отродясь замка-то не было, — заметила бойкая женщина.

Старик снял ружье, прислонил его к стене и, поплевав на руки, ухватился за ручку. Дернув несколько раз, он смущенно оглянулся на окружающих.

— Не поддается, проклятая.

— Где тут кузнец? Кузнеца подайте, — слышалось со всех сторон. — Кузнец откроет.

— Обязательно откроет, — вторил кто-то басом.

К двери протискался молодой парень невысокого роста в синей пропотевшей майке. Вылезавшие из майки плечи были столь широки, что его фигура напоминала равносторонний треугольник, поставленный на угол.

— Костя, не подкачай!

Костя осторожно взялся за ручку, для чего-то зажмурился и дернул.

В одно мгновение, как пушечным снарядом, он сбил с ног четырех зрителей и по инерции покатился в канаву. В руке его мелькнула оторванная ручка.

За дверью послышался глухой стук.

— Он там, — раздался взволнованный женский голос. — Открывайте скорее! Этого даже сделать не можете. Мужики, называется!

— Постой, тетка, не торопись, тут с умом подойти надо, — прохрипел Костя, вылезая из канавы.

— Тогда, видно, не тебе подходить надо. Да что она, приросла, что ли?

— Так и есть, приросла. До чего ж ты догадлива, тетка, прямо диву даешься! — восторженно воскликнул старик с двустволкой. — Смотрите, мужики, дверь-то какие корни пустила, ровно от столетнего дуба!

Внизу, где брусья толстой дубовой двери стояли на земле, торчали, как узловатые канаты, корни. Открыть дверь не было никакой возможности.

Принесли топор, и через десять минут дверь распахнулась. Совершенно неожиданно из темного сарая полетели слеги, палки, ветки, и, наконец, показалось огромное бревно с ободранной корой. Оно медленно выползло из двери.

Бревно толкал человек. Его волосы были взъерошены и покрыты паутиной, в паутине трепетал желтый сухой листок. Грязная черная полоса шла по диагонали через все лицо, как будто его зачеркнули жирной кистью.

— Я никогда не позволял смеяться над собой, — сказал он хриплым шопотом. — Кто запер дверь?

Наступило неловкое молчание. Все переглянулись.

— Дяденька, честное пионерское, никто не запирали, она сама заперлась. Спроси у кого хочешь, — пропищала тонконогая девчушка с прыгающими косичками.

Человек внимательно посмотрел на нее, затем медленно перевел взгляд на обрубленные корни, аккуратно сложил в кучу выброшенные им палки и ветки и, пошатываясь, направился к реке.

Я поспешил за ним.

— Зайдемте ко мне, вам будет удобнее привести себя в порядок и отдохнуть.

— Я бы и так к вам пришел. Что ж, чем раньше, тем лучше.

Опыты журналиста Горина

Через час мы сидели на скамейке у дома, где я жил со своими друзьями. Высокий забор окружал небольшой участок, заросший мелким кустарником. Кое-где торчали странные деревья. Казалось, их верхушки отрезали огромными ножницами. Кровяные блики заходящего солнца цеплялись за ветки, постепенно поднимаясь вверх.

Горин внимательно осматривался по сторонам. Он привстал, подошел к одному из деревьев, ощупал его кору, порывисто шагнул к другому дереву, срезал тонкую ветку и снова вернулся к скамейке.

Он грыз горькую веточку тополя, невольно морщился и взволнованно говорил:

— Я все узнал. Вы сюда приехали не отдыхать. Я знаю, что вы работаете по заданию Института биологических проблем. Вас пять человек, в том числе два агронома, два физика и лаборант. Но я не знаю самого главного. Как вам удалось все это? Что случилось? Мой дом безудержно тянется вверх. Ночью любопытные столбы вышибают половицы. Я засыпаю на первом этаже, а продаю глаза на третьем. Табуретка, на которой я только что сидел, оцетинилась сосновыми иглами. Я устал удивляться.

Я согласен выносить голод, жару, бомбы, обстрел, болезни и раны, но не чувство удивления. Я с детства привык к простоте и ясности.

Я врагами считал непонятные книги, непонятные явления. Бессонные ночи, тысячи часов нечеловеческого труда я бросал в атаку на этих врагов. Мне было все равно, где, в каких лесах науки притаились они.

И я читал о головоастиках, о цветоножках, о пегматите, о Магеллане, о косинусе фи, о гелии.

Я не мог остановиться потому, что понимал: если я изучу одно явление, то тысячи их останутся, чтобы мучить меня своей таинственностью.

На фронте в темные ночи боец должен знать, кто находится с флангов, впереди и сзади него.

Я ненавижу внезапность, я должен быть к ней готов, как в былые фронтовые ночи. Чтобы не было непонятно-го, чтобы, читая книгу, слушая радио, в любом разговоре я знал, кто был Ползунов, Флобер, Бородин и Харттрайт.

На это ушла вся моя жизнь. Я перепробовал много профессий, пока не пришел к одной. Я стал журналистом. Я могу теперь видеть и знать все. Все уголки родной страны, ее моря и океаны, заводы и лаборатории. Все открыто для журналиста. Вы понимаете меня?

Я много читал и видел, все вещи казались мне простыми и ясными. Я упорно занимался естественными науками. Но я не могу понять, почему растут сумасшедшие столбы, нарушая все понятия о возможном.

И вчера, как только стемнело, я спилил выросший у меня в комнате столб и понес его анатомировать. Ночью при свете фонарика в сарае я изучал строение ожившего дерева, ножом, как ланцетом, вскрывал его внутренности, смотрел в лупу на его разбухшие волокна и чувствовал внутри древесины какую-то непонятную теплоту, как у человеческого тела.

Я забил в землю контрольные колышки, чтобы понять, где же, на каком месте лучше всего растут эти палки. Я начертил схему расположения контрольных точек (к сожалению, я ее потерял) и получил странные результаты: за вчерашний день палки выросли на высоту от 3 до 12 сантиметров, причем лучше всего росли палки, расположенные у этого забора...

— Не эта ли схема? — перебил я Горина, доставая из кармана свернутую в трубку тетрадь.

Горин мельком взглянул на нее и сказал:

— Это она. Рад, что вы нашли мои записки, мне тогда можно о многом не рассказывать. Ночью в сарае я следил за тем, как растут мои колышки, я пробовал их мочить в воде и оставлять сухими, я обнаружил направление, в котором вытягиваются ростки.

Ветки тянулись в сторону вашей дачи, свежей корой покрывалась сначала та часть ствола, что смотрит на север. На севере — ваша дача.

Вы меня поймете: я хочу знать причины этих явлений до того, как приедет комиссия. Днем сквозь щелку в сарае я видел вас и ваших друзей, слышал ваш разговор и понял, что все зависит от того, что делается в вашем доме. Я бросился к двери, но выйти не мог. Впрочем, дальше вам все известно...

Горин выжидательно замолчал.

Стало темнеть, в доме зажглись огни. На желтом песке дорожек отпечатались светящиеся квадраты окон. Я молчал и думал, что вот настало время, когда уже можно рассказать о результатах нашей многолетней работы.

Оживление мертвого дерева

— Верите ли вы в чудеса индийских факиров? — спросил я.

— Раньше нет, а сейчас...

— А сейчас я вам покажу одно из этих чудес. Пойдемте к террасе. Вот смотрите, в банке с землей маленький росток. Я ставлю банку на столик. Теперь следите.

Горин впился глазами в тонкий стебелек.

Желтоватая былинка на глазах медленно тянулась вверх. Вот на ней появились бледные листики, показались бутоны, они набухали, лопались, и через несколько минут весь кустик покрылся голубоватыми цветами.

— Это цветы цикория. Есть некоторые растения, которые без всякого вмешательства человека всходят за одну ночь. Например, семена кресс-салата; они могут быстро превратиться в зеленый газон на войлоке, смоченном водой. Но не это интересно. Трава и цветы растут сравнительно быстро. Дерево растет очень долго, гораздо дольше, чем человек. Кстати, что вы знаете об оживлении трупов?

— Простите, но почему трупов?

— Мне интересно, что вы об этом знаете.

— Я даже писал об этом. Во время войны было зарегистрировано много случаев, когда опытные хирурги возвращали бойцам жизнь через полчаса после смерти.

— Если можно оживить такой сложный организм, как человеческий, то почему же нельзя оживить растение, но не через полчаса после его смерти, а через несколько месяцев? Помните, как сажают вербу — вбивают кол в землю, и он растет, хотя до посадки на нем не было ни одного корешка.

Значит, нужно создать умершему растению такие условия, при которых оно восстанавливает свои жизненные свойства. Нужно, чтобы по сосудам побежала прозрачная древесная кровь, вздохнули листья и жадные корешки начали пить могучие соки земли.

Вот доска, ее когда-то вырезали из березы, может быть той березы, из которой мы в детстве пили весенний сок. Ее каналы пересохли, поры закрылись, наступила смерть растительных клеток.

Я ставлю доску вертикально на землю, чтобы волокна дерева соприкасались с землей. Доска предварительно пропитана особой жидкостью, — так впрыскивают в кровь человека физиологический раствор. Теперь смотрите, я нажимаю кнопку...

Раздался звонок.

Из окошка выглянул человек в черных очках и костюме из золотистой металлической сетки.

— Я попрошу установить волну в двадцать два сантиметра — так, кажется, нужно для березы?

— Совершенно верно, — ответил лаборант. — А мощности в пятьсот ватт достаточно? — спросил он.

— Хорошо, действуйте!

Через несколько минут на голой доске на месте бывших сучков показались черные пятна. Затем постепенно полезли, как тонкие усики, ветки. Лопнули почки, и на свет вылезли клейкие весенние листики.

Горин жевал папироску, поминутно доставал спички, чиркал ими, потом, как бы вспомнив что-то, снова вынул спичку и начал внимательно ее рассматривать.

— Не беспокойтесь, — заметил я, — спички в вашем кармане не вырастут — они окончательно мертвые. Идемте в дом.

Сторож предупредительно распахнул перед нами дверь. В лаборатории, сверкая медными трубами, в водопаде белого ослепительного света стояло необыкновенное сооружение. Горели шары ламп, внутри тлели, как раскаленные угли, цилиндры анодов. Ветер от мощных вентиляторов ураганом бушевал вокруг ламп.

— Здесь создаются «лучи жизни», — торжественно начал я. — Это генератор сантиметровых волн. Они настолько мало изучены, что в будущем мы можем ждать от них еще не таких чудес. Крохотные радиоволны проникают в мельчайшие клетки живого существа, нагревают, будоражат их, заставляют проснуться, почувствовать трепет живительного тепла. Это они пробуждают в зерне неукротимую волю к жизни, и зерно стремительно пронизывает толщу земли, вылетая на ее поверхность крепким зеленым ростком. Под чудесными лучами растение спешит замкнуть свой жизненный круг. Опыты, кото-

рые вели советские ученые с ультракороткими волнами, подтвердили эти данные. Мы оживляем мертвое дерево и подбираем для этого нужную длину волны.

Для каждого дерева, для разных клеток нужны разные волны, поэтому не все деревья растут одинаково. Кроме того, нужны и другие условия. Дерево должно быть влажным и обязательно соприкасаться своим срезом с землей, чтобы жизненные токи могли подниматься вверх.

Радиус действия волн генератора невелик, только соседи наши могли наблюдать результаты его работы. К сожалению, во время опытов мы не могли предвидеть, что деревянные столбы будут расти прямо в строениях.

Не только деревья средней полосы прорастают на этой земле. Идемте, я вам покажу забавных питомцев.

Мы вышли на воздух. Прохлада обвеяла наши покрасневшие лица. За углом притаилась маленькая бамбуковая рощица. Ее молодые побеги рвались вверх. Какие-то красно-белые ягоды прятались в листьях.

— Вы знаете, что это такое?

— Бамбуковая роща.

— Не угадали. Это годовой запас удочек местного кооператива. Мы у них недавно все забрали, пришлось покупать с поплавками, вот они кое-где торчат.

А это северный гость — карельская береза. Ее происхождение еще любопытнее. Сторож Потапыч, что нам дверь открывал, потерял свою табакерку. Искали мы ее долго, не нашли. Потом, через неделю, заметили: растет какое-то низенькое ползучее деревцо. Посмотрели внимательно — а это табакерка разбросала по земле свои ветки. Как это случилось, мы до сих пор не понимаем, ведь она была абсолютно мертвая.

Стало совсем темно. Как маленькие лампочки, засветились звезды на небе, а в стеклах открытых окон дрожали отблески мощных ламп генератора.

Мы долго сидели с Гориным, вспоминая фронтовые годы, сады Мелитополя. Мечтали о будущем и намечали планы совместной работы.

А потом полетели дни, как листки календаря.

Мы позабыли о том, что существуют ночи. Из Москвы прислали еще несколько генераторов, и местная электростанция задыхалась от непосильной нагрузки.

Мы чувствовали себя хорошо. Журналист оказался прекрасным помощником, ему очень пригодились разно-

Это был настоящий густой лес...

сторонность знаний и то своеобразное чутье экспериментатора, которое обычно вырабатывается годами.

И вот однажды утром (я помню этот день — второе августа) мы все собрались на террасе к завтраку. Этого давно не было, так как обычно еще до восхода солнца мы расходились по своим участкам.

В этот праздничный для нас день мы все привалялись. Сверкающий на солнце кипящий самовар как бы подчеркивал торжественность обстановки.

Работа закончена. Там, где раньше чернели земля и зола, где хрустели угли обожженных пней, вырос лес. Он был не совсем обычным, как бы со срезанными верхушками — так растут колья вербы или ветлы, — но это был лес, настоящий густой лес, с тенистой прохладой,

птицами, грибами и ягодами. Он был гораздо больше, чем тот, который сожгли немцы несколько лет тому назад.

В деревне у каждого дома — сад. Немного поздно зацвели вишни и яблони, плодов в этом году не будет. Но кто может поверить, что месяц тому назад в деревне не было ни одного дерева? Лес и сады выросли за месяц.

Мы облучали генераторами микроволн вбитые в землю столбы. Под действием живительных лучей крепили и развивались необычайные деревья. Каждое утро в разных точках нового леса горели лампы генераторов, которые специальными прожекторами-антеннами излучали частицы невидимой жизненной энергии.

Сегодня деревья отдыхают. Им больше не нужно принимать сеансов диатермии. Они пока еще смешные, неровно стриженные, и напоминают деревья английского парка, подстриженные неопытным садовником.

А впереди розовой пеной цветут сады. Среди них, как огромные хрустальные вазы, блестят, переливаясь и горя, прозрачные шары ламп нашего аппарата. Кажется, что в этих солнечных вазах торчат охапки цветов.

И, глядя на всю окружающую красоту, мы постигаем вечную юность Земли и величие человеческой мысли.

О некоторых сомнениях

Какие у нас есть основания, чтобы поверить в возможность увеличения роста растений, в оживление мертвого дерева при помощи радиоволн? Не слишком ли фантастичен этот рассказ?

Несколько лет тому назад советские ученые обнаружили, что под действием ультракоротких волн, излучаемых мощным генератором, во много раз увеличивается рост растительных клеток. Можно найти такое сочетание длины волн, времени облучения и мощности генератора, когда это явление становится особенно заметным.

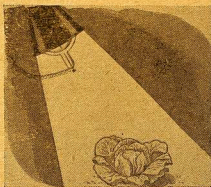
Облучение некоторых сортов семян ультракороткими волнами в течение десяти минут резко повышает их всхожесть.

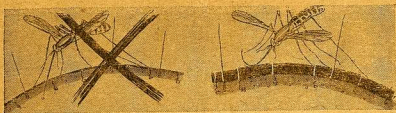
Действие этих необычайных лучей было проверено на опытных делянках. Капуста после облучения росла в два

раза быстрее, а редиска поспевала в двенадцать дней. Маленькое деревцо, облучаемое ультракороткими волнами, сильно опережало в росте своих собратьев, высаженных одновременно с ним для контроля.

Но ведь это только первые шаги, первые опыты. Есть еще более эффективное средство — радиоволны, длина которых измеряется не метрами, а дециметрами и даже сантиметрами. Их трудно получить с помощью мощных генераторов, поэтому пока еще влияние дециметровых и сантиметровых волн на рост клеток мало изучено. Можно предполагать, что при практическом изучении этого спектра частот откроются новые возможности, позволяющие мечтать о быстром росте растений. Кроме того, нам еще неизвестно действие специальных биологических растворов. Так, например, опыты советских ученых показали, что яд колхицин, добываемый из цветка безвременника, совершенно исключительно влияет на произрастание деревьев. Нам неизвестно влияние химического состава почвы, температуры и других вспомогательных факторов в сочетании с облучением растений столь высокими частотами.

Мне кажется, что есть все основания к тому, чтобы верить в возможность оживления мертвого дерева, в то, что деревья будут вырастать если не за день, то за год (и то хорошо, это ведь не сорок лет). Я сам пробовал облучать капусту ультракороткими волнами. Честное слово, она росла быстрее.

НОВАЯ КОЖА

— Наша кожа весьма несовершенна по своей природе. Вот вы говорите — загар... Загар — это изменение пигментации клеток для защиты человеческого тела от действия ультрафиолетовых лучей. Попробуйте приобрести его сразу — ничего не выйдет. Вспомните, как в санатории люди принимают солнечные ванны: точно по звонку переворачиваются с боку на бок, чтобы не сжечь драгоценную кожу. Очень уж нежная у человека защитная оболочка.

Так говорил Костя Снетков своей спутнице Оле, когда вечером они возвращались с водной станции.

— А все-таки я бы хотела немного загореть, — говорила Оля, — вне зависимости от ваших биологических объяснений. Пигментация клеток, ультрафиолетовые лучи, прочие научные явления — все это очень хорошо, но я в этом мало понимаю. Когда я перед выходом на сцену загримируюсь и положу на лицо тонкий слой коричневой краски, стыдно признаться, я так нравлюсь самой себе, что не могу оторваться от зеркала.

Она помолчала.

— Ну что вам стоит изобрести способ быстро загорать?

Оля открыла сумочку, вынула зеркальце и, пытаясь рассмотреть свое лицо в сумерках, вздохнула.

— Ну, я так и знала — краснеет один нос. Так вот всегда. Завтра у меня нет репетиции, опять пойду дожидаться, пока он не облупится.

Протянув слегка загорелую руку, она сказала:

— Ну, до свиданья. Приходите сюда же в воскре-

сенье. Договорились? — И Оля скрылась в темноте, стуча тонкими каблучками по асфальту.

Костя шел задумавшись, вспоминая свой разговор с девушкой, пока не остановился, наткнувшись на какую-то решетку. Он заглянул вниз и невольно отшатнулся. Далеко под ним чернела вода. Он стоял на Крымском мосту.

«А что, если действительно создать искусственный защитный слой от действия ультрафиолетовых лучей?»

Зажглись огни Парка культуры и отдыха. Вычертились в небе силуэты спиральной башни, вращающегося колеса, арки ажурных павильонов, как на негативе.

«Надо найти быстрый способ изменения пигментации кожи, чтобы это совершалось сразу. Как от проявителя на негативе. Проявителя? Стой! Об этом стоит подумать.

Спокойно, не торопись... Если впрыснуть под кожу каплю специальной фотографической эмульсии, а она на солнце темнеет куда быстрее кожи, не будет ли это ускорителем данной реакции? А потом проявить...

Правда, в этом случае неясно, в каком взаимодействии будут находиться биологические и химические элементы, но это надо проверить».

— Обязательно проверить! — повторил он несколько раз, еще раз удивленно посмотрел себе под ноги и быстро зашагал по мосту.

Открытие Кости Снеткова

Через несколько дней у себя в лаборатории Костя, захлебываясь, рассказывал друзьям о перспективах своего открытия:

— Нет, вы только подумайте. Вам нужно ехать в экспедицию, куда-нибудь на Памир. Ваша нежная кожа не подготовлена к действию прямых солнечных лучей. Вы, конечно, прячетесь от солнца. Надеваете широкополые шляпы, рубашки с длинными рукавами... Иначе с лица слезет кожа, как кора, а шея и плечи покроются волдырями.

Но стоит только предварительно впрыснуть под кожу мой состав, как все эти неприятности перестают существовать.

Лицо и, если хотите, тело покрываются чудесным

бронзовым загаром. Кожа становится плотной, действительно защитной оболочкой, как после дубления. В моем составе есть небольшой процент танина.

Человечество не будет знать, что такое прыщи, ожоги, шелушение кожи, потому что новая кожа приобретает особое свойство — плотность защитной ткани, как эластичная хлорвиниловая пластмасса. Вы, вероятно, знаете, изоляция такая есть на проводах. Даже царапин, и то будет меньше. Смотрите...

На столе у Кости лежал странный кролик, как бы разрезанный пополам: с одной стороны обыкновенный, покрытый пушистой шерстью, а с другой — гладко выбритый, покрытый светлокоричневым загаром.

— Я царапаю ланцетом кожу кролика, — продолжал Костя, — но кровь не показывается. Видите, как трудно нарушить такую плотную ткань?

— Но позволь, ты же хотел только окрасить кожу в цвет загара, а показываешь еще какие-то новые свойства, — заметил химик из соседней лаборатории.

— Действительно, вначале я занимался только изменением пигментации кожи, но потом путем дополнительных экспериментов мне удалось изменить не только цвет ее, но даже структуру.

— Эдак ты можешь дойти до того, что у человека вырастет кожа слона, — насмешливо заметил кто-то.

— Нет, моя задача значительно скромнее. Я хочу повысить защитную способность кожи, защитить человека от укусов комаров, от насекомых, от мозолей в походе, от мелких царапин, которые потом загрязняются и болят.

Ничто так не осложняет человеческую жизнь, как цепь мелких неприятностей. Укусил комар — малярия, натер ногу — тоже неприятная болезнь: флегмона. Поэтому я и хочу устранить из жизни человека хоть маленькую часть этих больших мелочей.

— Вы свой чудесный эликсир только на кроликах пробовали? — спросил студент-практикант.

— Нет, смотрите.

Снетков завернул рукав, и все увидели его загорелую руку, слегка оранжевого цвета. Кожа была гладкая, как слоновая кость.

— Вы можете выбирать разные оттенки загара? — почтительно спросил студент.

— Несомненно. Они у меня даже занумерованы. Ведь это так же просто, как окраска фотографии в тот или

другой тон, как угодно заказчику. Представьте себе, что через несколько лет к врачу будут приходить люди, рассматривать альбомы и выбирать себе новую кожу любого оттенка. Может быть, женщины придумают «модную» кожу особого цвета, ну, скажем, цвета старой бронзы. Может быть, тысячи женщин будут ходить по улицам с темными, зеленоватыми лицами. Но нет, этого не будет; даже такая всеильная вещь, как мода, может быть регламентирована, — убежденно закончил Костя.

Ошибка экспозиции

Шагая через загорелые тела, Костя искал на пляже свою приятельницу. На ветке, воткнутой в песок, как флаг, развевался цветной платочек. Это был условный знак, где искать Олю.

Девушка лежала, полузакрыв глаза, и как бы впитывала в себя солнечные лучи. Казалось, они больше ни на кого не падали и все другие люди на пляже оставались в тени. Так, по крайней мере, подумал Снетков.

— Я придумал то, о чем вы просили, — произнес он вместо приветствия, останавливаясь перед Олей. — Вы будете иметь загорелую, гладкую и прочную кожу.

— Почему прочную? Ведь это не кожа на ботинках. Мне нужно только загореть, нежный тон бронзового загара. Больше ничего!

— Хорошо, давайте отойдем, вот так. Теперь смотрите.

Изобретатель открыл свой чемоданчик и вынул из него препарат. Он вытер спиртом кожу на шее девушки, набрал в маленький шприц эмульсии и впрыснул свой необычайный состав.

— Теперь немного полежите на солнышке, и все будет в порядке.

— А если я действительно стану загорелой от вашего лекарства, то это надолго?

— О, конечно! У вас будет постоянный тончайший загар чудесного цвета, его не смоют ни дожди, ни ветры, и... и он будет всегда напоминать вам обо мне, — произнес восторженный изобретатель.

Оля благодарно посмотрела на Снеткова, потом в зеркало.

— А скажите, долго еще ждать? Что-то пока ничего не заметно.

— Собственно говоря, действительно пока еще незаметно; — смущенно бормотал Снетков. — Ах да, проклятая забывчивость! Ведь еще надо проявить ваш загар.

— Как так?

— Обыкновенно — проявителем, как фотографию. Вот сейчас, видимо, солнце уже подействовало на пластинку... простите, на ваше лицо. Теперь поедem в лабораторию, я впрысну специальный проявитель, и загар проявится.

Оля согласилась. В лаборатории Костя смело опустил шприц в прозрачную жидкость.

Настал решающий момент — проявляющий состав уже растекается под кожей.

Проходят секунды, минута, наконец лицо Оли постепенно начинает покрываться еле заметным загаром. Она берет зеркало и удовлетворенно улыбается.

— Подождите смотреться, стойте спокойно, потом увидите, — нервно бормочет изобретатель.

Загар уже приобретает светлокориcневый цвет. Затем шоколадный... Еще темнее!

Перед испуганным Костей стояла негритянка, поблескивая ослепительными белками глаз.

Профессор удивлен

Профессор снимал свой халат.

В этот момент вошла медицинская сестра и взволнованно доложила:

— Николай Петрович, там вас ждет какая-то девушка. Лицо закутано, она его не открывает. Хочет вас видеть.

— Странно. Просите ее ко мне. — И профессор снова надел халат.

Повернувшись к пациентке, профессор взглянул через очки, потом протер их и снова посмотрел.

— Гм!.. Натуральная иностранка. Как же я с ней разговаривать буду? Ду ю спик инглиш?

— Вы по-русски можете говорить? — спросила негритянка.

— Ну конечно... могу. Ничего не понимаю...

— Спасите меня, профессор. Я не хочу быть черной, это невозможно! Я с ума сойду. Только вы мне сможете помочь!

— Но, мисс, я вас не понимаю. Медицина не может делать из черных людей белых!

— Но я была белой!

— Что такое?

Оля рассказала ему все.

Профессор покачал головой.

— Думаю, что вам придется примириться с существующим положением.

— Неужели это безнадежно?

— Не хочу вас огорчать, но думаю так. Да вы не огорчайтесь. Конечно, это неприятно, но черная кожа не мешает вам ни жить, ни работать.

— Профессор, но ведь я актриса!

— Гм! Да, положение осложняется. Надо прямо сказать, Анну Каренину вы не сыграете. Вот если бы Отелло... Но это, кстати, мужская роль... Да, не знаю, чем вам помочь. А скажите, кто этот изобретатель?

Но Оли уже не было в кабинете.

Новое призвание

Художественный руководитель, он же режиссер столичного джаза, с нетерпением поглядывал на часы.

— Безобразие! В десять часов назначена репетиция, уже одиннадцатый, а мы все не начинаем.

За белой стеклянной дверью показалась черная закутанная фигура женщины. Дверь со скрипом отворилась, женщина неверными, медленными шагами шла вперед через зал, и все недоуменно смотрели ей вслед.

Таинственная незнакомка бессильно опустилась в кресло рядом с режиссером. Тот смущенно отодвинул свой стул. В этот момент с лица женщины упала вуаль.

— Ах, это вы, Азарова? Я еле узнал. Вы прекрасно придумали, что явились на репетицию в гриме негритянки. Блестящая идея! Как раз сегодня я приготовил для вас негритянские песенки. До чего же удачно вышло, прямо как нарочно! Ну-ка, еще раз взгляните на меня. Чудненько! Итак, давайте попробуем. Начали...

Оля знала эти мелодии, несложные по рисунку, но пронизанные глубоким человеческим чувством. С первых тактов она почувствовала, что здесь нужно настоящее искусство, вдохновенное и простое, как эти народные песни. И, может быть, тогда она поняла, что не только

веселые танцевальные ритмы родственны ей как актрисе, она почувствовала и легкую мечтательную грусть и скрытое человеческое горе.

— Я никогда не мог предполагать в вас столько чувства и настоящего мастерства, — говорил режиссер, когда репетиция кончилась. — Вы понимаете, что это значит? Совсем новый жанр. Я вам предсказываю большое будущее, только надо работать над собой, изучать негритянский фольклор, их музыку, песни. Я помогу вам в этом. Кстати, выступать удобнее под другой фамилией, возьмите себе какой-нибудь псевдоним. Ну, например: Стелла Элайн. По-моему, звучит хорошо. Согласны? Так и поставим в афишах.

Началась большая работа. Оля упорно изучала английский язык, знакомилась с американской и негритянской народной поэзией и литературой, изучала бытовые особенности негритянского народа, занялась серьезно своим голосом и теорией музыки.

Ей так понравилась эта работа над собой, что постепенно круг ее интересов становился шире, она уже начала интересоваться историей культуры не только негритянских народов.

Она редко выходила из дому, проводя время за книгами и роялем. Иногда она подходила к зеркалу и с грустью смотрела на белый отпечаток березового листка на плече. Это листок случайно упал к ней на плечо и прилип к коже, когда она играла несложную роль экспериментальной фотопластинки.

Ей не хотелось вспоминать о незадачливом изобретателе. Он часто ей писал, звонил по телефону, но безрезультатно: видеть его она не могла.

Оля сказала своим друзьям по сцене, что грим ее держится несколько дней и она не считает необходимым часто смывать его.

— Я так лучше вживаюсь в роль, — говорила она.

Ее считали чудачкой, но потом привыкли к ее странностям.

Через некоторое время Оля приняла предложение совершить поездку по Советскому Союзу и вскоре выехала с труппой из Москвы.

Выходя на сцену в городах, где ее совсем не знали, она чувствовала какую-то особую теплоту зрительного зала, относящуюся именно к ней — негритянской актрисе. Может быть, зрители действительно испытывали

исключительные дружеские чувства к чернокожей девушке, которая должна чувствовать себя одиноко вдали от родины.

Иногда Оле становилось даже обидно. Ей казалось, что не ее искусство вызывает восторженный прием зрителя, а именно то, что она негритянка, что в этом горячем приеме выражаются настоящие интернациональные чувства народа.

Но она ошибалась: кроме этих понятных каждому советскому человеку настроений, зрители ценили глубину и мастерство ее исполнения.

Загадки фотохимии

Снетков не выходил из своей лаборатории.

Вся энергия, весь опыт, знания, упорство и творческий фанатизм — все, чем обладал этот талантливый изобретатель, все было брошено на разрешение задачи.

Изобретатель стоял на пороге большого творческого успеха.

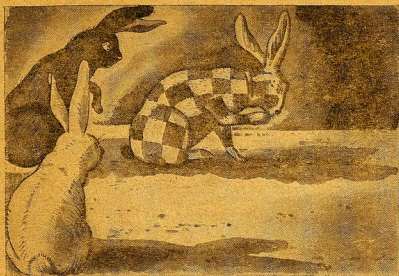
Новая человеческая кожа — стойкая защитная оболочка тела — была уже найдена. Осталось решить вопрос дозировки химических элементов, изменяющих пигментацию, именно то, что привело изобретателя к столь трагической ошибке в экспозиции.

Снетков знал, что при всем успехе своего изобретения он никогда не сможет забыть первую жертву своего безрассудного эксперимента.

Надо найти способ нейтрализации столь интенсивного биохимического процесса. Ведь есть же способы ослабления темных негативов, есть химические способы обесцвечивания тканей.

Но все опыты Снеткова не приводили к желаемым результатам. В его лаборатории бегали необычайные кролики. Они были обриты наголо, и на отдельных квадратных участках их кожи, как на шахматной доске, темнели пятна загара разной интенсивности. Это изобретатель пробовал разное время экспозиции. В большинстве случаев квадраты были почти совсем черные, они ежедневно напоминали Косте о его первом эксперименте.

В лаборатории появились кролики-альбиносы. Они поблескивали неестественными красными глазами и, вы-

В лаборатории бегали необычайные кролики.

лизывая свою ослепительно белую шкурку, казалось, посмеивались над изобретателем: «Вот какие мы беленькие!»

Как бы мстя за свои неудачные опыты, изобретатель на другой день сделал их черными. Ему казалось, что кролики удивленно смотрят друг на друга.

Снетков решил перенести свои опыты на ткань человеческого тела. Возможно, что состав подкожного слоя играет существенную роль в стойкости фотоэмульсии. Он впрыснул в руку эмульсию, приложил негатив с портретом Оли, осветил, затем впрыснул проявитель. На руке отпечаталось четкое изображение, похожее на искусную татуировку. Это была Оля — тот же смеющийся рот, резкий поворот головы.

На другой день изображение потемнело, стало черным пятном, потемнело так же, как лицо девушки. Оно не было зафиксировано.

Пришлось снова пробовать — в который раз — различные составы фиксажей и ослабителей в сочетании с выдержкой и температурой.

Но вот однажды, проснувшись утром, изобретатель не обнаружил на руке темного пятна. Оно растаяло.

Неожиданное решение

Город был заклеен громадными, в человеческий рост, афишами. Они были набраны всеми существующими шрифтами, всех размеров и стилей:

ВЕЧЕР НЕГРИТЯНСКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

СТЕЛЛА ЭЛАН

ДЖАЗ ПОД УПРАВЛЕНИЕМ

АЛЕКСАНДРА ГЕРНЕТ

Со стен домов, рекламных будок и щитов смотрела негритянская девушка с тонкими чертами лица и сдержанной застенчивой улыбкой. Казалось, что у нее темное лицо потому, что в типографии, где печатались эти афиши, пользовались чересчур темной краской.

Снетков шел с вокзала. Он никогда не был в этом городе и приехал сюда для продолжения своих опытов в местном институте. Все казалось ему необычайным — розовый гранит только что выстроенных домов, осыпающиеся листья каштанов, памятники, напоминающие о недавних годах Отечественной войны, красные кисти последних осенних цветов вокруг них.

Он смотрел по сторонам на разноцветные афиши, видел, чем живет город, что идет в театрах, какие столичные знаменитости приехали вместе с ним.

Вдруг он остановился. Чемодан выпал из рук, оттуда посыпались пробирки, порошки, баночки. С афиши смотрело знакомое лицо.

— Да, это она! Сегодня концерт, начало в восемь часов. Сколько еще осталось до восьми? Целых два часа — сто двадцать минут.

Он долго стоял перед афишей, потом медленно двинулся вперед.

С другой стороны улицы снова смотрели на него ее глаза. Он перешел улицу, постоял. Здесь она показалась ему совсем светлой, как когда-то давно. А времени до начала еще много. На противоположной стороне он опять увидел портрет.

Так он шел зигзагами от афиши до афиши через весь город к театру. Он поймал себя на этом бесцельном занятии и подумал:

«Я двигаюсь «ходом коня». Партия была отложена в проигранном для белых положении».

В зале еще никого не было. За сценой глухо жаловался саксофон, вздыхая и кашляя.

— Еще двадцать две минуты, и я ее увижу, а через два часа она станет такая же, как прежде, — ошибка будет исправлена.

Первых номеров программы он не слышал. Джаз что-то играл, люди аплодировали.

— Стелла Элайн, — объявил конференсье, и зал вздрогнул от аплодисментов.

Мелькнуло белое платье, искорки глаз, зубы и темное лицо. Медленно двигаясь по сцене, в такт с ритмичными вздохами затихающего джаза, она напевала, казалось только для себя, бесхитростную веселую песенку о солнечном утре, тенистых пальмах, о разговорчивом ручье. И люди улыбались, слегка раскачиваясь в такт.

Любимую актрису долго не отпускали со сцены, вызывали еще и еще, требовали все новых и новых песен.

Костя стоял у двери артистической комнаты, держа в руках неизменный чемоданчик с пробирками, порошками, баночками. Люди за кулисами не замечали его, думали — вероятно, парикмахер.

Взрыв аплодисментов. Актриса, задев плечом безмолвную фигуру у дверей, вбегает к себе.

Вот она, эта минута!

Он хотел поднять руку, постучать, но это оказалось невозможным — от волнения пальцы не слушались. Как она его примет? Захочет ли разговаривать?

Усилием воли он преодолел страх и постучал.

— Кто там? Войдите! Костя! Я так рада! Сегодня день моего рождения, и это такой замечательный подарок! Но почему вы здесь? Надолго ли? На концерте были? Да что же вы молчите, чужак вы эдакий?

— Я, Оля, растерян, я не знал, как вы меня примете. Не надо прощения, я виноват, это была такая бездарная ошибка... Я только прошу дать мне возможность заглядеть свою вину.

— Я уже давно простила, не стоит об этом вспоминать. Больше того — я была вам благодарна. Этот, казалось бы, печальный случай помог мне найти себя.

— Но теперь я могу исправить свою ошибку. Я так много работал и добился наконец... Вот эта жидкость, сейчас я введу ее вам под кожу, и...

Оля переменялась в лице, и голос ее стал жестким.

— Я вас очень уважаю, дорогой друг, но поверьте,

больше я не хочу этих экспериментов. Хорошо, что я стала негритянкой. А если бы после вашего опыта мое лицо оказалось зеленым в розовую полоску, какой же тогда артистический жанр я должна была бы себе избрать? Ведь даже клоуны так не гримируются.

— Нет, это много раз проверено. Я очень вас прошу...

— Если вы хотите остаться моим другом, не будем больше говорить об этом. Я не хочу быть вашим подопытным кроликом. Понятно? А сейчас поедem праздновать мой день рождения, гости уже ждут. Вот только сниму грим.

Она намазала руки вазелином и стерла коричневую краску ватой. Затем подошла к зеркалу и ватой провела по щеке. Снетков увидел в зеркале, как на щеке появилась белая полоса. Несколько движений, и перед его глазами показалось прежнее белое лицо.

— Как! Почему? Кто вам дал мой ослабляющий препарат?

— Ах, вы про мое лицо? Действительно, первое время было очень тяжело, потом я привыкла, и вот когда уже совсем смирилась со своим положением, как говорят, вошла в роль, лицо начало светлеть, пришлось даже его подгримировывать. Никакого ослабляющего препарата мне не нужно. Все сделало солнце. Вы же знаете, что все выцветает от его лучей, не говоря уже о фотографии, в негатив которой вы меня превратили. Вот я и выцвела, опять такая же беленькая, как и прежде, и очень жалею, что каждый день приходится гримироваться. Впрочем, следует подумать, не сможете ли вы снова вернуть мне мой естественный цвет, какой знали зрители при моих первых выступлениях. Но только при одном условии: сначала попробуйте на себе. Правда, это вам не очень пойдет — у вас светлые волосы. Будете белокурый негром. Но что вы на меня так удивленно смотрите?

Заключение автора по затронутому вопросу

Вот и вся история одной ошибки.

Они всегда бывают в творческой работе. А если бы их не было, то вряд ли я мог бы похвастаться своей новой кожей, которую получил в медицинском исследовательском институте (директор К. Н. Снетков).

Вот сейчас, когда пишу эти строки, я смотрю на свою руку, покрытую плотной гладкой кожей загара № 4. Я царапаю ее пером, а царапины нет.

В окно влетела оса, она жужжит над ухом, ползет по шее. Мне не страшно: она не сможет прокусить мою новую защитную оболочку, как бы ни старалась.

Я перестал бояться малярийных комаров и прожил целое лето в самом малярийном местечке Ленкорани.

Снетков брал в руки скорпионов — они не могли проколоть его кожу.

Однажды он бросил мне за воротник фалангу, и я был спокоен: знал, что мою кожу она прокусить не сможет.

Новая кожа значительно лучше защищает тело не только от солнца, но и от холода. В Институте физической культуры Снетков проводил такие опыты: он привил новую кожу группе физкультурников, и они могли совершенно не бояться обмороживания при сорока градусах мороза, без всяких защитных приспособлений.

Я смотрю на себя в зеркало. Что делает новая кожа! Морщинки у глаз и на лбу исчезли, я стал моложе на десять лет!

Вот, оказывается, где секрет вечной молодости.

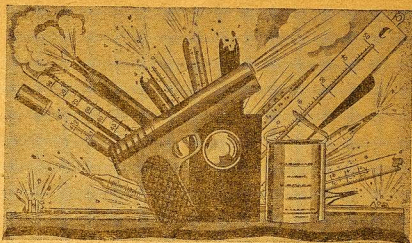
Правда, изобретатель находит один существенный недостаток у новой кожи — она толста, почти целый миллиметр толщины, поэтому человек с этой новой оболочкой перестает краснеть, сквозь кожу не видны кровеносные сосуды.

И если читатель спросит у автора, верно ли здесь все изложено и существует ли такая кожа и изобретатель Снетков, автор прямо посмотрит ему в глаза и убежденно скажет:

— Да, существует!

Видимо, он думает, что его защищает новая кожа.

СТО ГРАДУСОВ

Большое искусство — ждать.

Но я, к сожалению, ждать не умею. Даже ожидание трамвая у меня сводится к тому, чтобы ждать, когда он меня нагонит. Я иду одну остановку, потом другую и чаще всего так дохожу до конца.

Но есть большие специалисты в этой области. У них даже выработана целая теория ожидания, теория истребления времени.

Неопытные новички мучительно уничтожают время счетом до тысячи и обратно. Менее спокойные натуры мечутся взад и вперед, подсчитывая шаги. Это — дилетанты в науке истребления времени. Более опытные считают окна домов, число промелькнувших машин, количество проходящих людей.

Но для этого надо быть спокойным, а спокойствия мне в этот вечер не доставало.

Темнело. Луна еще не всходила. Недалеко от высокой стены стояло семнадцать столбов с колючей проволокой, восемь березок, девятнадцать кустов, сорок шесть ромашек и четырнадцать колючих стеблей боярышника — все это я успел сосчитать во время своего вынужденного ожидания.

В ста семидесяти шести шагах от меня начинался дачный поселок.

Сегодня мы встретимся после двухлетнего ожидания. Два года — большой срок.

Мы были в разных концах страны — я на фронте, а девушка, с которой я ждал встречи, в далеком тылу. По старой памяти, наша встреча должна произойти здесь, на том самом месте, где мы встречались до войны.

Правда, место изменилось. Два года тому назад не было этого забора и колючей проволоки, был парк, густая сень деревьев, а сейчас в темноте белеют всего восемь робких березок, которые кажутся нарисованными.

Все это было обычно и просто, но странным и невероятным был подарок, который я приготовил для девушки. Вместо цветов или перевязанной цветной ленточкой коробки с конфетами в моем широком кармане покоился тщательно упакованный сверток с термометрами. То были термометры медицинские и комнатные, максимальные и минимальные, на десятки и сотни градусов. Они были маленькие и большие, толстые и тонкие, с именами Цельсия, Реомюра и Фаренгейта. И мне представлялось, что при встрече я ловким движением освобожу градусники от бумаги и, держа их за концы, преподнесу ей, как букет из тонких прозрачных лилий.

Но шутки в сторону. При всей моей фантазии до такого букета я бы один не додумался...

Я в тысячный раз перечитывал телеграмму: «Буду пятнадцатого сентября 21 час на том же месте, прошу из города привезти десять термометров».

Каких термометров? При чем тут градусники? Ведь мы же не виделись два года. Неужели в телеграмме о нашей встрече вместо слов любви и радости можно было писать о градусниках!

Но девушка — инженер, занята научной работой. Может быть, это по рассеянности? Может быть, так нужно? Кто способен разобраться в причудах женского характера! Но все-таки обидно. Хоть бы написала, какие ей нужны. Привезешь, да не те. Впрочем, я был предусмотрителен — мой букет состоял из пятидесяти градусников всех сортов. Я покупал их, как цветы в оранжерее; может быть, среди них найдутся и любимые.

Шутки термометра

Осталось ровно десять томительных минут. Я в волнении шагал по дощатому тротуару, и казалось, что подо мной горит земля.

Земля была горячей в буквальном, а не в переносном смысле. Подошвы горели, как будто бы их кололи сотни тонких иголок.

Так факиры ходили по острым гвоздям.

Я остановился, приложил руку к доске забора — она была суха и холодна. Странное, непонятное ощущение.

Вечер был теплый, но я чувствовал лихорадочный озноб, как при малярии. Лоб покрылся испариной. Мне все мешало. Казалось, даже пуговицы жгли. Они впивались в грудь, руки, как будто бы на тело капали расплавленным сургучом.

Где-то у меня был ножик. Надо отрезать крючки и пуговицы. Но нож горячий и жжет руки.

Очевидно, у меня высокая температура. Хорошо, предположим. Но почему же от моего тела так нагреваются вещи? Я, кажется, схожу с ума. А может быть, это тиф? Нет, спокойнее, еще спокойнее. Вот так, останись, закури, подумай. Только спокойнее! Я зажег папиросу и тут же бросил. Мне показалось, что я сунул ее горящим концом в рот. Во рту что-то жжет, как будто бы там остался еще не погасший пепел, — это накалилась золотая коронка зуба.

Я не узнаю себя. Что со мной случилось?

Отбежав с дорожки в сторону, я бессильно упал на сырую росистую траву. Через десять минут мне стало легче, я ощупал пуговицы, ножик, провел пересохшим языком по зубам, один из которых мне казался горячим. Все было нормально.

Я медленно поднялся и снова вышел на дорожку.

Уже половина десятого. Неужели она могла так запоздать? Сколько шагов от столба до столба? Десять... А обратно?

Опять что-то странное. Пряжка на поясе обожгла мне пальцы. Часы остановились, их серебряный браслет был горяч. Я сунул обожженную руку в карман, пальцы схватили раскаленные ключи.

Нет, это просто малярия, я начинаю бредить. А может быть... Впрочем, узнаем, у меня есть термометр.

Я сел на траву у дорожки. Развернул дрожащими

руками сверток. Стекланные трубки зазвенели. Обжигая пальцы о горячие пуговицы, я расстегнул гимнастерку. Мне казалось, что я сунул подмышку кусок раскаленного железа — оно нагревалось все сильнее и сильнее.

Вынув градусник, я увидел в ярком свете фонарика, как тонкая иголочка ртути уткнулась в цифру 43.

Фонарик выпал у меня из рук. Да нет, не может быть, такой температуры у человека не бывает! Надо взять другой термометр. Но где же фонарик? Лежит в траве. Я поднял его, и он вспыхнул ярким, ослепительным светом.

Я зажмурился и выключил свет. Открыл глаза — фонарь горит еще ярче. Нажал и отпустил кнопку — фонарь горит. Выбросил батарейку — фонарь горит.

Нет, это уже настоящий бред!

Схватил с земли первый попавшийся термометр. Он почему-то оказался длинным и не уместился подмышкой.

При свете фонарика (без батарейки) я увидел, как предательская струйка ртути медленно ползет к шестидесяти градусам. Ползет дальше. Вот уже восемьдесят градусов. Сейчас будет сто. Я погибну. Кровь закипит в жилах, как только ртуть доползет до ста. Тогда конец.

Послышалось тонкое шипение, какое-то странное клотканье чувствовалось в левой стороне груди...

Довольно, не верю. Этого не может быть. Я схватился за сердце.

В левом кармане трепетала автоматическая ручка. Я вытащил ее и, обжигая пальцы, отвернул верхний металлический колпачок. Кипящие зеленые чернила со свистом и паром выплеснулись прямо в лицо.

С треском лопнул стоградусный термометр. Я приподнялся, собрал термометры, засунул их в карман и начал вытирать лицо. В кармане что-то треснуло, потом снова резкий щелчок, еще и еще. Это лопались термометры, максимальные и минимальные, комнатные и медицинские, Цельсия и Реомюра. Последним лопнул толстый Фаренгейт.

А на земле они не лопались. Значит, стоило их поднести близко к моему телу, как обезумевшая от жары ртуть начала рвать хрупкие стекланные стенки. Неужели я являюсь источником такой необыкновенной тепловой энергии? Жалко, что все термометры лопнули, а то бы можно было проверить еще раз.

Я лег на траву. Надо ждать.

Сказка о золотых монетах

Тишина была плотной и назойливой.

Но вот послышались слабые крадущиеся шаги. Наконец-то она пришла!

Мелькнула тень, остановилась, потом пригнулась к земле и поползла под проволоку.

Это не она. Здесь кто-то другой.

Фигура взметнулась черной птицей на высоком каменном заборе. Она была страшной на фоне седых облаков, освещенных луной.

Сухой треск беспорядочных выстрелов разорвал тишину. Тень заметалась и скользнула вниз, потом запрыгала по траве, как гигантская лягушка, проскользнула под проволокой и вылезла на тропинку.

Это был мужчина в темном пальто и надвинутой на глаза шляпе. В каком-то спектакле я видел такую фигуру. Он поднялся с колен, в этот момент увидел меня и поднял руки. Лицо его было искажено страхом, он что-то бормотал, оглядываясь назад.

— Добрый вечер. Вы не ушиблись? — участливо спросил я.

— Я не стрелял, я не хотел этого. Я болен, пустите меня, — хрипел он, пугливо вздрагивая и озираясь.

— Что вы? Вам необходима врачебная помощь.

К нам бежали бойцы вооруженной охраны.

— Вот и санитары. Смотрите, как быстро.

Нас провели в комендатуру. Проверили документы, установили мою личность.

Начался допрос неизвестного:

— Цель вашего посещения нам известна. Зачем вы начали стрелять, когда поднялись на забор?

— Я не стрелял, — с дрожью в голосе настаивал неизвестный.

— Вот ваш браунинг. Нетрудно определить, что из него стреляли не более получаса тому назад.

— Я не стрелял, — упорно твердил тот.

— Кто же стрелял? Или вы были не одни?

— Нет, один. Пистолет сам стрелял.

— Маловероятно и весьма странно. Расскажите по порядку обо всех ваших действиях. Итак, вы подошли к заграждению...

— Я ничего не знаю. Я ничему не верю, — задыхаясь, кричал незнакомец. — Здесь живет сам дьявол. Он свил

гнездо у этой стены. Все было против меня. Когда я прятался в тени у забора, фонарь загорелся сам. Понимаете — сам, чтобы выдать меня! Я не мог его погасить и растоптал. У меня на груди были защиты монеты. Золото, что я получил. Они жгли мое тело, как раскаленные.

— Честность заговорила, значит. Что ж, продолжайте вашу образную речь. Такие деньги, конечно, беспокоят, — заметил комендант.

— Вы меня не так поняли, я говорю буквально. Деньги жгли... В кармане был золотой портсигар, его мне подарили...

— За честную работу, я так понимаю.

— Он обжигал мне руки, пришлось его бросить. Когда я поднялся на стену, золото начало так жечь меня, что я больше не мог терпеть. Я почти потерял сознание. Я помню только, как разорвал костюм и пытался выбросить монеты, как сдирал кольца, запонки. Я хотел вырвать свои золотые зубы, они жгли мне рот. Везде было золото. Я все делал ради него. Всю жизнь оно руководило моими поступками. Я ему отдал все — сотни человеческих жизней, честь, друзей, близких. Всего себя. За что же оно мне так мстит?

Перед нами сидел человек в растерзанном костюме. Он брызгал слюной. В черном провале рта блестели золотые челюсти, клочки жидких рыжеватых волос еле прикрывали уродливый голый череп.

— Золото выдало меня! — хрипел и задыхался он.

— Я что-то подобное читал в сказках, про раскаленные золотые монеты, — сказал комендант. — Все это очень интересно, но ближе к делу: кому и зачем вы бросали золото, которое мы нашли у забора на территории предприятия?

— Там никого не было, я же говорю, оно меня жгло. Я не мог вынести этой пытки.

— Хорошо, но почему вы испытали это запоздалое моральное потрясение именно на стене? Что вы увидели во дворе?

— Я же вам говорю — там никого не было. Это не моральное потрясение. Это физическая боль.

— А как вы думаете, — обратился ко мне комендант, — можно предположить, что действительно задержанный выбросил золото потому, что оно физически жгло ему руки?

Я замялся.

— Видите ли, хоть это очень странно, но вполне возможно. Я сам...

— Что вы сами? Впрочем, продолжайте, пожалуйста, — перебил меня комендант.

— Я сам чувствовал на том месте...

Комендант внимательно посмотрел на меня.

— Простите, у вас лицо в каких-то зеленых пятнах. Отчего это?

— В моей ручке чернила закипели и вместе с паром обрызгали лицо.

— Так... — задумчиво произнес комендант. — А почему у вас карманы набиты осколками стеклянных трубок?

— Это термометры полопались от жары.

— Какой жары?

— Не знаю. Возможно, от температуры моего тела.

— А вы ее что, мерили там, у забора?

— Да, мне показалось, что я нездоров, и мне хотелось это проверить.

— Так какая же у вас температура?

— Сто градусов.

Комендант вскочил со стула и зашагал по комнате, потом подошел ко мне.

— Извините, пожалуйста, я попрошу еще раз показать ваши документы.

Он пересмотрел все мои бумаги, прошел в другую комнату, с кем-то поговорил по телефону, потом, щелкнув каблуками, с поклоном возвратил мне документы.

— Если вы утверждаете, что такая вещь возможна, не будете ли любезны пройти с нами на то место, где якобы наблюдаются столь невероятные явления. Этого гражданина под стражу, — указал он на неизвестного. — Сержанты Кузовкин и Михалев, за мной!

Почти все становится ясным

Светила луна. Горели капли росы, расстился сизый туман, призрачными казались стволы берез. Все было так же, как два года тому назад.

Только на лугу, что когда-то был покрыт кочками и мелким кустарником, выросли три многоэтажных здания.

— Сержант Кузовкин, где вы их встретили? Здесь? — нарушил молчание комендант.

— Так точно! — глухо раздалось в темноте.

— Вы подтверждаете, — обратился комендант ко мне, — что все произошло именно здесь?

— Да. На этом самом месте я наблюдал примерно те же явления, о которых говорит этот человек. Подойдем ближе к заграждению. Скажите, вы ничего не чувствуете?

— То есть что вы хотите, чтобы я чувствовал? — удивился комендант.

— Ну, что-нибудь странное.

— Вы правы, мне кажется очень странным...

— Что?

— Ваше поведение.

Тусклый лунный диск катился по верху стены, рядом черная тень грозила бездонной пропастью. Казалось, оступишься — и упадешь в ее немую глубину.

Кто мог предугадать такой разворот событий? Как я мог поддаться сумбурным ощущениям тревожных минут ожидания? Спутать свои внутренние переживания с проявлениями внешнего мира?

Я бы мог ничему не верить, но осколки термометров доказывали реальность этих странных явлений. И потом этот безумец с его рассказом о мести золота... Непонятное совпадение.

Сзади я слышал неторопливые шаги охраны. Комендант шел сбоку, иногда оглядывая меня с ног до головы. Интересно, что он сейчас обо мне думает? Впрочем, не все ли равно...

Ну и луна! Мне казалось, что до сегодняшней ночи я ее никогда не замечал. Странно, оказывается ночью трава голубая. Пригорок тоже голубой, с белыми брызгами. Наверное, ромашки.

На пригорке две березы, словно мраморные колонны, а между ними синий бархат неба, как театральный занавес. В небе висит лунный прожектор.

От колонны отделилась белая фигура. Она подняла руку, как бы уцепившись на секунду за несуществующий занавес, и быстро сбежала вниз по голубой траве.

Я растерянно смотрел на нее, протягивая осколки термометров, минимальных и максимальных, Реомюра и

Цельсия. Они блестели в лунном свете, на землю падали сверкающие ртутные капли.

— Прости, я опоздала... но я не могла раньше. Я знала, что ты придешь. Подумай, столько времени мы не видались... Ты, наверно, не узнал нашей старой рожи?

Часовые подошли ближе.

— Но ты не один! Кто это?

— Это... мои знакомые, — слегка запинаясь, выговорил я.

Она недоверчиво взглянула на суровые лица часовых.

Подошел комендант, внимательно посмотрел ей в лицо и улыбнулся.

— Вот уж не узнал! — воскликнул он, протягивая руку.

— Так вы знакомы с моим другом? — удивилась она.

— Да, сегодня немножко познакомились, вот с ним и еще там с одним... Знакомство, как говорят, полезное.

— Ну, идемте быстрее, мне еще нужно запечатать свою лабораторию, — засуетилась она.

— Какую лабораторию? — спросил я, теряясь в неясных догадках.

— А я разве не писала, что вот уже целый год работаю в лаборатории высокочастотных генераторов? А это наш филиал Электротехнического промышленного института, за год построили. Сегодня мы испытывали генератор ультракоротких волн. У него такая мощность, что на складе лопнули все термометры, а мне надо завтра измерять температуру некоторых растворов. Извини меня за мое поручение. Мне показалось, что это будет самым простым способом достать термометры. Ты, наверно, очень удивился такой просьбе? Сознайся, а?

Все стало абсолютно ясным.

Долго я не мог вспомнить без улыбки свою неудачу, когда я пытался обнаружить странные явления в присутствии коменданта. Ведь сейчас генератор был выключен, так как дежурный инженер ждал меня на холме у двух берез.

Остается сказать еще о непрошенном госте. Как потом стало известно, он получил задание снять чертежи нового генератора и поплатился за свое любопытство. Вот и все.

Необходимые уточнения от автора

Попробуем объяснить все эти загадочные явления.

Я помню сумасшедшую лампочку под потолком, которая висела в квартире моего товарища.

И вечером и днем она зажигалась сама, когда ей это нравилось. Не признавая выключателя, лампочка упрямо горела при любом его положении. Она горела, даже если перегорали пробки и в квартире и на столбе.

Мы слушали радио и замечали, что сверкающий глазок лампочки мигает в такт музыке, и когда смолкала музыка, лампочка становилась покорной и слушалась выключателя.

Дом, где жил товарищ, находился почти под антенной мощной радиостанции. Это ее энергия питала упрямую лампочку, энергия огромного электромагнитного поля.

И если на расстоянии тысяч километров от радиостанции далекие любители принимали на свои приемники ее чуть заметное дыхание, то здесь, рядом, освобожденная энергия лилась через край. Она бушевала в проводах, зажигала лампочки днем, жгла пальцы телефонисткам, спаивала порошок в микрофонах и летела дальше.

Точные измерительные приборы в соседних лабораториях стояли на столах и удивленно поводили усами стрелок. Иногда, как по команде, стрелки прыгали вправо, за шкалу, и приборы переставали жить, потому что слишком большой ток пробежал по их обмоткам. Ручки дверей становились горячими.

Дежурный техник на радиостанции всю ночь не мог отойти от испытываемого передатчика. Ему приносили ужин, и он в негодовании обжигал себе губы холодным компотом: ложка была горячей.

Люди у передатчика ходили с высокой температурой и головной болью, как при малярии.

Потом они придумали костюмы из металлической сетки, спасаясь от всепроникающей высокой частоты так же, как сеткой защищаются от малярийных комаров.

Прошло время. Наконец инженеры заперли вырвавшийся электрический поток, защитили его экранами, специальными катушками, сквозь которые не проходит радиоэнергия.

Все стало абсолютно спокойным, и об этом забыли.

Как я уже рассказывал, на месте кочек и болот вы-

строили новые лаборатории Электротехнического промышленного института.

В описанную ночь впервые испытывался новый генератор. Он был предназначен для изучения действия огромных мощностей ультракоротких волн. В его мощное магнитное поле ставили тигель с металлом. Металл нагревался и плавился без угля и окалина. Так создавались особые стали, особые сплавы.

Нет лучше высокочастотной закалки стали, нагретой в поле генератора, потому что закаливается только поверхностный слой, а внутри металл остается вязким и прочным. Токи высокой частоты в несколько часов вместо месяцев без малейшей трещинки высушивают ценные породы дерева.

Описанные здесь непонятные явления объясняются тем, что я находился в поле генератора мощностью в несколько тысяч киловатт, который стоял в помещении, примыкающем к ограде: в стенах института проводились опыты, обещающие раскрыть новые тайны науки в еще малоизвестной области ультравысоких частот.

Генератор, о котором я написал, еще не был защищен, и его энергия, перехлестываясь через стены, заставляла нагреваться гвозди подошв, пуговицы, ножик в кармане, браслет часов.

Жар лихорадки ознобом проходил по моему телу, потому что на мне не было защитного костюма.

Термометры, которые нужны были лаборатории для опытов, нагревались, конечно, не от моего тела, хотя его температура и могла подняться выше сорока градусов под действием ультравысоких частот. Ртуть, как и любой другой металл, нагревалась в поле высокой частоты до температуры в сотни градусов.

Поэтому тонкие стеклянные трубки термометров лопались в кармане, и казалась страшной стоградусная температура человеческого тела. А термометры, лежащие на земле, были слабо подвержены действию токов — ток уходил в землю. Поэтому еле заметно горела лампочка фонаря, когда он лежал на земле. Фонарик без батарейки светился от энергии генератора.

Чернила в автоматической ручке закипели потому, что ее металлический резервуар нагрелся от токов высокой частоты.

Золото, обжигающее руки, тоже не сказка. Человек на стене мог ощущать ожог вполне реально. Ведь он

находился рядом с магнитным полем катушки генератора, где делаются жидкими самые тугоплавкие металлы.

Генератор был нужен для опытов концентрирования столь мощной энергии в определенной точке.

С помощью таких генераторов фантасты мечтают получить «лучи смерти», взрывающие на расстоянии.

Действительно, эти лучи могут произвести взрыв на расстоянии. Это они взорвали патроны пистолета в кармане. Латунная оболочка патронов раскалилась, и вспыхнул порох. Но это был взрыв на расстоянии двух метров при мощности генератора в тысячи киловатт. Можно подсчитать, какая же мощность нужна для того, чтобы взорвать снаряды на расстоянии хотя бы в один километр!

«Лучами жизни» называем мы энергию ультракоротковолновых генераторов. Под ее влиянием быстрее тянутся вверх молодые ростки. Семена скорее всходят, овощи быстрее растут. Да мало ли чудесных свойств этих лучей мы можем использовать в нашем хозяйстве! Скоро они перестанут быть чудесными и таинственными, мы просто к ним привыкнем.

В моем рассказе от действия лучей генератора у человека повышается температура. Но это не значит, что лучи вызывают болезнь. Наоборот, от их действия погибают многие микробы, в том числе и микробы малярии.

Эти свойства ультракоротковолнового генератора начинают широко использовать советские ученые. В наших клиниках производят опыты и пробуют применять ультракороткие волны при лечении малярии, возвратного тифа и других болезней. Под действием живительных лучей излечивается даже такая страшная болезнь, как проказа. Фурункулы пропадают при облучении ультравысокой частотой через несколько сеансов, раны заживают значительно быстрее, потому что, как говорят специалисты, эти волны убивают гнилостных микробов.

Может быть, через несколько лет у нас в домах вместо «домашней аптечки» с пузырьками, порошками и баночками повесят на стене небольшой шкафчик, в котором будет сконструирован генератор. По шкале, как у радиоприемника, будет двигаться стрелка. На шкале напишут названия болезней: «грипп», «малярия», «ангина».

Вы заболели, вызываете врача. Облик его тоже, ве-

роятно, изменится — это будет что-то среднее между врачом и инженером. Он вас выслушает при помощи портативного стетоскопа с радиоусилителем — наконец-то врачи расстанутся со своей слуховой трубкой! — затем просмотрит ваши легкие карманным рентгеноаппаратом, шнур от которого тут же вставит в штепсельную розетку, и, наморщив лоб, вынет из бокового кармана... логарифмическую линейку. Затем быстро произведет несколько простейших операций с числами и напишет рецепт:

«Малярия... 16 см. Мощность 10 ватт. Через час по столовой ложке».

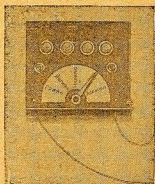
(«По столовой ложке» зачеркнуто и затем исправлено: «по 10 минут облучения».)

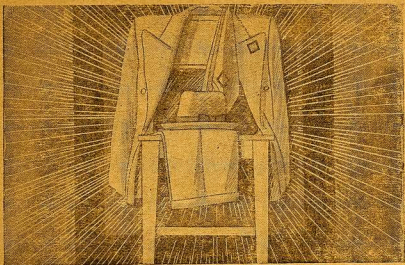
Вы наденете на себя специальные пластинки электродов, вставьте вилку в штепсель и таким образом примете «лекарство». Приятное тепло разольется по телу, и вы с усмешкой вспомните время, когда глотали горькую хину.

И почему знать, может быть с каждым годом будет уменьшаться перечень болезней, написанных на шкале аппарата.

Это нам и нужно.

Пусть врачи лечат только насморк.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Я еще спал, досматривая последние кадры какого-то странного сна. Время подвигалось к восьми часам, поэтому лента сновидения прокручивалась с невероятной быстротой, как на последнем, запоздавшем киносеансе. Мелькали пейзажи, березы, облака, весенний дождь, грохотал отдаленный гром, затем лента оборвалась, казалось, что вспыхнул свет, — это солнечные лучи ворвались в окно.

Я протер глаза. Вместо экрана передо мной ярко освещенная стена знакомой комнаты. Настало утро обычного дня, но гром продолжал греметь... Кто-то из всей силы стучал в дверь.

— Открой, открой скорей! — кричали из коридора.

Я мигом вскочил с кровати, набросил халат и повернул ключ.

Передо мной стоял дядюшка, беззвучно раскрывая рот и что-то пытаясь сказать. Его борода и волосы торчали веером, и весь он напоминал человека на стеклянной подставке во время электризации.

— Ты... понимаешь... что-нибудь? — наконец выговорил он, схватил меня за руку и втащил в свою комнату.

Голубой квадрат

Посередине комнаты на стуле была аккуратно развешана одежда: бледносиреневый костюм, белая шляпа, пламенеющий галстук, от которого хотелось прикурить. Из-под кровати выглядывали нежнорозовые ботинки, похожие на новорожденных поросят.

— Ты же помнишь, что ночью, когда я приехал из командировки, на мне был черный костюм, черные ботинки. Ведь это мои вещи, я их узнаю, вот даже дырка на подкладке, только рядом с дыркой появился какой-то голубой квадрат. Как ты думаешь, сплю я или нет? — растерянно спрашивал дядюшка, протирая очки.

— Не беспокойся, это не сон. Так и должно быть. Одевайся.

Обескураженный дядюшка с остановившимся взглядом машинально начал одеваться. Он растерянно посмотрел в зеркало, осторожно поправил пылающий галстук и, угрюмо взглянув на ботинки цвета расцветающей яблони, пошел в свой кабинет.

Сдавленный стон прорвался сквозь дверь. Распахнув ее, я увидел дядюшку, бессильно поникшего в кресле. Глаза его блуждали, он размахивал очками и бормотал:

— Доктора скорее! Я с ума схожу. Что с моими глазами?

Действительно, кругом все было необычайно. Голубели стены, еще вчера бывшие коричневыми, белый потолок, казалось, отражался в зеркальной глади светлого пола. Слоновой костью блестела мебель. Письменный стол с белым сукном. Все, что было на столе, приобрело цвет бледноголубой эмали разных оттенков, даже чернила были яркосиние, а не черные. Черного цвета не было нигде.

Кабинет стал светлым, как будто бы солнце лилось через окно. Бесчисленные солнечные зайчики резво отскакивали от стен, пола, потолка, кресел, шкафов, играли на голубой коже дивана, которая раньше была черной. На окнах колыхались белые шторы. Шкафы с книгами, этажерка, ковер под ногами — все, что нас окружало, было белым с легкими оттенками розоватых, голубоватых, кремовых тонов. К каждой вещи, точно почтовая марка, прилепился голубой квадрат.

— Да что ж это такое? Ничего не вижу, как в молоко меня окунули, — стонал дядюшка.

Вдруг он вскочил с кресла и, спотыкаясь, побежал вниз по лестнице. Я поспешил за ним.

К подъезду лихо подкатила машина. Она была как из слоновой кости, а ее внутренняя обивка горела золотистым цветом яичного желтка. Старик удивленно вскинул на лоб очки, потом снова опустил их, махнул рукой и со злостью рванул ручку двери.

— Чортова игрушка, яйцо всмятку!

Машина глухо заворчала и бесшумно понеслась по гладкому асфальту.

У ворот завода нас встретил сторож.

— С приездом, Иван Степанович! — приветствовал он дядю.

— Как дела в цехе, все в порядке?

— Да как вам сказать... Непонятность какая-то.

— Ну вот, уже с утра начинается! — недовольно проворчал Иван Степанович и быстрыми шагами направился в цех.

Я еле догнал его.

Дверь распахнулась.

Дядюшка медленно, как бы раздумывая, ухватился за косяк двери.

Здесь тоже не было черного цвета. Стены блестели, как полярные айсберги. Голубизною льда были облиты станки. Снежной далью терялся за ними почти невидимый пол. Он был белее новогодней скатерти. Разве можно по такому ходить? Но кругом шаркали белые ботинки рабочих, и казалось странным, что они не оставляли следов. Люди в голубых комбинезонах приветливо улыбались знатному наладчику Ивану Степановичу, застывшему в дверях.

Подошел мастер, смущенно развел руками.

— Неделю тому назад, как вы только уехали, вхожу утром в цех и глазам не верю: все как бы от инея побелело. Даже спецовки в шкафах.

— Что-то уж больно чудно. Может быть, это какое-нибудь научное явление, чтобы вещам сесть? — задумчиво заметил Иван Степанович.

— Не знаю, как там по-научному, но так вроде как бы и лучше, ребятам нравится, работают с улыбочкой. Иван Степанович хлопнул дверью и выбежал из цеха.

Видимо, мой дядюшка не на шутку взволновался. Надо постараться его успокоить.

Он стоял в коридоре, жевал свои седые усы и с не-

навистью смотрел на розовые ботинки. Увидев меня, он выскочил на улицу и кинулся к машине.

— Подожди, я тоже с тобой, — крикнул я на ходу.

Надо все-таки ему объяснить это странное поведение вещей.

— Ну, скажи, чем ты недоволен. Разве тебе не нравится светлый цех, твой светлый костюм, твои красивые ботинки? Ты понимаешь, это нужно.

— Я сам знаю, что мне нужно! — резко воскликнул он. — Стой!

Шофер резко затормозил. Машина вздрогнула и замерла. Сиреневый костюм дядюшки замелькал в колесе вращающихся дверей универсального магазина. Развевающееся пламя галстука служило мне опознавательным знаком. Я еле догнал дядюшку на четвертом этаже.

— Дайте мне черные ботинки! — захрипел он, перегнувшись через прилавок.

— Простите, не держим. Вот, могу вам предложить. — И на прилавке мгновенно выросла гора коробок. — Пожалуйста, белые, палевые, кремовые, слегка голубые, вот бледный цвет фиалки, а эти, — продавец значительно поднял левую бровь, — самые модные — цвет зари! Рекомендую.

Но покупателя уже не было. Он мчался по лестнице вниз, сверкая пятками розовых ботинок.

— Дайте мне черный костюм! — задыхаясь, ворвался он в отделение готового платья.

— Простите, не держим. Хотите бледнооливковый, стальной, кремовый или, еще лучше, сиреневый... Вот этот, с маркой «Голубой квадрат».

Снова заматались двери, и незадачливый покупатель вылетел на тротуар.

— В новый город! — в бешенстве закричал он и вскочил в машину.

— Послушайте, дядюшка, я вам все объясню.

Но было уже поздно. Я еле успел уцепиться за открытую дверцу. Рассерженно фыркнул мотор, замелькали подъезды, витрины, окна, афиши, столбы, светофоры.

Вот и бульвар. Что это? Здесь столпились люди. У всех восторженные лица, слышен смех, возгласы. Машина остановилась. Дороги нет.

— Ну, что там еще? — закричал Иван Степанович, но вдруг смущенно поперхнулся и замолк.

По бульвару тянулась веселая процессия.

Дети в белых костюмчиках, с флажками и огромными цветами над головой задорно распевали странную песенку:

Нам не нужен черный цвет,
Черный цвет, черный цвет...

Они вели на шелковых шнурках белых козлят, рыжеватых собачонок.

Огромные белые доги тащили на спине воинственных карапузов. Белые пони везли колесницы, украшенные цветами. В них сидели крохотные девчушки с белыми кошками на руках. Над ними плескался плакат: «Мы не любим черных кошек». Из второй коляски выплескивался новый плакат — продолжение: «И черных собак». Там мальчуганы поднимали вверх белоснежных шпицев.

Колыхались и другие плакаты. По воздуху плыла огромная тетрадь с чудовищной кляксой на белом листе. Как корабль, нырял над головами ботинок с налипшими комьями грязи. Рвалась вверх гигантская надувная пятёрка с черными пятнами сажки.

«Вот что мы любим!» возвещал новый плакат, и за ним плыла десятиметровая зубная щетка, поддерживаемая множеством детских рук. Как дом, передвигался огромный кусок розового мыла, колыхалось на солнце бесконечное мохнатое полотенце.

Город становится светлым

Машина выскочила на пригорок. Перед нами за металлической сеткой, как за косыми линейками ученической тетрадки, вырос новый город.

Дома поражали гармонией светлых, радостных тонов. В них было благородство розового гранита, античная простота белого мрамора, переливы перламутра, прозрачность акварели. Это были легкие, ажурные постройки, вычерченные на голубизне неба.

Тротуары голландским полотном выстелились у подножья домов.

Легчайшей зеленью украсились скверы. Строгие стволы деревьев стояли, как тонкие белые колонны, как будто бы их покрыли известью ранней весной.

Подъезды домов, вывески, афиши, оконные рамы, радиорупоры, витрины были расцвечены светлыми красками.

На фронтоне центрального здания, как осколок неба, светился голубой квадрат.

Город был заткан золотом необыкновенной паутины. Это — блестящие нити неокисляющихся проводов, трамвайных, телефонных и осветительных линий.

Сколько света в этом сказочном городе! К нам бежит девушка, платье и волосы — золотистый шелк, и вся она, как солнечный зайчик.

— Ишь ты, как сияет! На нее только сквозь закопченное стекло смотреть, — недовольно бормочет Иван Степанович.

— Дядюшка, познакомься, это она работает над тем, чтобы люди забыли о черном цвете. Ее специальность — одежда. Не правда ли, тебе нравится твой костюм? Вот ее и благодари.

— Нет, довольно. Я ничего не понимаю. Я хочу знать, почему мне запрещают покупать черное. Как в детской игре: «Белого и черного не покупайте». До чего же это дойдет? Неужели все вещи сами посветлели за одну только ночь?

— Нет, зачем же, — перебил я его, — для этого нужен более короткий срок. Смотрите, вот небольшой баллон, вроде фляжки. Поднимите голову, закройте глаза...

Я поднес к галстуку дядюшки фляжку, открыл клапан, тонкая свистящая струйка зашевелила шелк. Галстук белел, как будто бы сверху на него лилось молоко.

— Ты знаешь, что есть газы, которые освещают ткани. Положи в банку с хлором свою темную перчатку, через час она будет белой. Хлор — газ войны, его когда-то выпускали на поля сражений. Мы отняли у него смертельные свойства. В содружестве с другими газами он стал мирным и, как необыкновенная прачка, стирает до белоснежной синевы черные ткани. Таков удел воинственного газа. Он побывал у тебя в кабинете и за одну ночь сделал светлым все, что там было, вместе с твоей одеждой. Может быть, я случайно забыл там маленький баллон с этим чудесным газом без цвета и, как тебе известно, без запаха.

— Это мне известно, — угрюмо бурчал Иван Степанович. — Какая-то фляжка действительно на столе валялась. Знал бы, что такое дело, в окошко бы выбросил. А теперь скажи, как же мои башмаки превратились в этакий розовый куст?

— А это уж дело Инны, — и я указал на золотистую девушку, — она у нас главный художник.

— Когда я была маленькой... — начала девушка.

— То есть совсем недавно, насколько я понимаю, — заметил Иван Степанович.

— Сознаюсь, сравнительно недавно! Так вот, я видела фокусника, он превращал воду в вино, наливал из графина воду в стакан, и она мгновенно делалась красной. Фокусник сам рассказал, что в стакане была крупинка марганцевого кали. Вот бы найти такие краски, чтобы еле заметной крупинкой окрашивать сотни метров ткани, легкими, прозрачными тонами покрывать фасады высоких зданий. Как я мечтала об этом!.. И, когда выросла, начала работать в этом направлении. Мы долго искали эти краски и нашли. Раствором такой краски так же, как газом, наполняется баллончик. С помощью сжатого воздуха он выбрасывает мельчайшие капельки краски. Тонким слоем они ложатся на ткань, на поверхность камня, дерева, металла.

По улице проезжала светлая машина с огромным прожектором.

— Поедем за ней, посмотрим, как умываются дома, — сказала Инна.

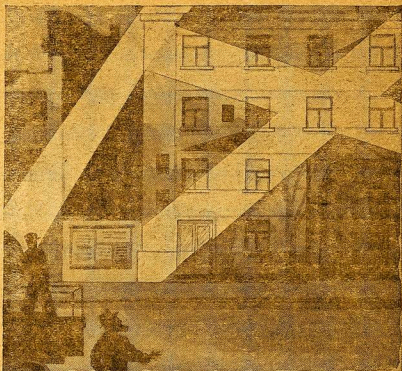
Мы выехали на окраину города. Здесь толпились здания неопределенных цветов.

Машина остановилась, с прожектора сняли чехол. На площадку, как дирижер, вышел человек в белом комбинезоне. Он оглянулся по сторонам, подошел к пульту и нажал кнопку. Дрожащий светлый луч поднялся к небу. Минуту стояла эта призрачная колонна, потом как бы упала на серое здание — это человек в белом комбинезоне взял в свои руки рычаги прожектора.

Резким, размашистым движением он перечеркнул лучом крест-накрест фасад гримированного здания. Две белые полосы остались на его грязном фоне. Потом человек, как гигантской кистью, начал водить лучом по фасаду. Дом становился белым и свежим, как будто бы его вымыли намыленной щеткой.

— Как, лучом можно красить? — спросил Иван Степанович.

— Нет, не красить, — отвечала Инна, — наоборот, этот свет уничтожает краску, так же как солнце, от которого выгорают и делаются светлыми ткани. Мы сделали прожектор исключительной силы и подобрали нужную

Он перечеркнул лучом фасад здания.

длину световых волн, которые полностью обесцвечивают поверхность, чем бы она ни была покрыта — темной пылью или краской.

За ночь мы сумели осветлить несколько кварталов нового города. Вы видите этих современных маляров в светлых костюмах? А вот идет вторая машина, она после осветления зданий опыляет их поверхность специальной краской, — не всем же домам быть белыми. Дома стоят светлые, чистые, и на них нет ни пылинки. Город обнесен решеткой электрических пылеуловителей, а в самом городе пыль всасывается мощными пылесосами, для того чтобы наши легкие дышали свободно, чтобы очистить воздух от пыли и копоти...

— Смотрите, — воскликнул дядюшка, — кажется, ваш пример становится заразительным.

Мы подошли к ограде небольшого садика и сквозь решетку увидели, как, зажав в коленях мохнатого черного пса, взъерошенный карапуз мазал его белой краской. Огромная кисть вырывалась из рук, собака визжала, краска выплескивалась из ведра, веером разбрызгиваясь по сторонам. Лицо мальчугана покрылось белой изморозью разведенного мела.

— Ты что тут творишь?

— Он у меня весь свет забирает. Как войдет в комнату, так сразу делается темно, особенно если там сидят Мурка и бабушка. Мурка — это кошка моя черная, бабушка тоже в черном платье. Сейчас Бобку перекрашу, а потом Мурку, а потом и бабушку...

Мы против черного цвета

В павильоне городского парка собрались люди. Сквозь переплеты прозрачных стен был виден город. Он казался ненастоящим в дрожащем мареве горячего воздуха.

Мои друзья и совсем незнакомые люди сидели в плетеных креслах и на ступеньках лестницы. Все было очень просто, и мне хотелось так же просто рассказать о войне с черным цветом:

— Дорогие друзья! Сейчас четыре часа дня, через час мы уже скажем: «Пять часов вечера». Но можно увеличить день, если уничтожить черный цвет. Я помню, как-то давно перед моим окном вырос новый дом. Он светился свежестью гладко обструганных золотистых досок, и в самые хмурые зимние дни мне казалось, что на дворе солнце. А потом доски стали темносерыми, почти черными. Солнечные лучи жадно впитывались этой чернотой, и майское утро казалось сентябрем. В моей комнате никогда не было весны. Это было давно, и с тех пор я стал воевать с черным цветом.

Мне и моим товарищам хотелось увидеть мир без черного цвета. Яркий солнечный мир. Такой, чтобы человеку никогда не захотелось возвращаться к темным улицам, цехам, грязной серой одежде. Сама природа борется с черным цветом. От дождей и времени разрушаются деревянные стены, и в сырые, непогожие ночи прощальным светом горят трухлявые гнилушки, как бы извиняясь за свое дневное существование. Нет черного цвета в природе. Нет черного цвета на земле.

Вы скажете, что сама земля черна? Неправда. Кто видел пашню весенним утром, взрытую трактором? Она лиловая! Подсушит солнце ее верхнюю корку — и зацветет земля серебристой сиренью.

Говорят — «черный ворон», «черен, как вороново крыло». А вы его видели, это крыло? Оно отливает синим, зеленоватым цветом.

Черный цвет выдумали мы сами. И сами делаем черную краску. Это грязная краска. Это сажа закопченных стен, осенняя липкая грязь, грязная одежда, небритое лицо, ногти немытых рук, чернильные кляксы.

В пустую темноту черного цвета, как в бездонную дыру, падают солнечные лучи. Мы прорубаем огромные окна, стеклянными крышами ловим призрачный северный свет, для того чтобы снова потерять его в черной пустоте замасленного пола, темных станинах машин, черносиних спецовках людей.

Я помню, как-то давно в цех, где был светлый кафельный пол, вошли сотни людей в темных зимних пальто. Мгновенно стало темно, пришлось включить лампы. Тысячи киловатт электроэнергии крадет у нас черный цвет.

Война с черным цветом началась давно. Еще в тридцатых годах мы красили в белый цвет станки и ставили между ними пальмы. Но станки чернели от грязи, а пальмы служили пылесосами, собирая всю пыль цехов.

Нельзя решать этот вопрос по частям, нужно все сразу: и белый пол, и трубы пылесосов, и светлая одежда, и чистые руки. Тогда будет светло.

Надолго затянулась наша беседа. И, стоя у тонкого переплета павильона, я наблюдал, как постепенно меняется его цвет. Из белого он стал розовым, потом красным и, наконец, голубым. То заходило солнце, наступала ночь. И вместе с ней город становился необычайным.

ZnS, SrS, CaS, CdS и другие

Спокойный свет лился отовсюду. Светились дома, тротуары, автомашины. Как будто сквозь матовое окрашенное стекло просвечивали огни. Дома были золотистыми, голубыми, зеленоватыми, высились розовые ослепительные колонны, как бы пронизанные лучами солнечного света. Бледной сиренью расцветала ажурная

решетка сквера, около нее притаились цветы, не смея соперничать с этим невиданным праздником красок. Трогуары светились зеленоватой голубизной моря. Хотелось снять башмаки и пройти по его плещущему краю. Свет всюду, ровный спокойный свет. Он был без теней, как будто бы люди, автомобили, скамейки в сквере, все, что окружало нас, стало прозрачным.

— Где мы находимся? — почему-то шопотом спросил Иван Степанович.

— Своего города не узнал? Мы же здесь проезжали несколько часов тому назад. Выйдем из машины.

Центральная магистраль нового города казалась млечным путем в темной глубине августовской ночи. Дядюшка подошел к розовой стене, осторожно притронулся к ней пальцем, на мгновение отдернул его и потом, как бы осмелев, приложил к стене руку.

— Совсем холодная.

— Идем вниз по этой лестнице, там еще не то увидишь!

Мы бежали по ступенькам. Дядюшка смеялся и на ходу пытался дотянуться до розовых перил, которые светились, как толстые неоновые трубки.

Вечер был праздничным. Откуда-то с высоты лились звуки знакомых мелодий. Из летнего кафе слышался смех. Здесь на мраморных столиках столпились изумрудные светящиеся чаши, бокалы, в которые, казалось, наливали невиданное вино весны. В синем бархате ночи словно плыли золотистые вазы, а облака мороженого таяли, растекаясь по голубизне светящейся тарелки.

Мы бродили, как зачарованные, по нашему городу. Люди останавливались перед большим розовым зданием. Высоко над колоннами ослепительно белым светом горел квадратный экран.

Кругом слышались восторженные возгласы. Люди, закинув головы, наблюдали за переливами перламутровых красок на фронте городского театра.

Хотелось подойти к каждому зданию, погладить его, приложиться горячей щекой к прохладному мрамору колонн.

И люди тоже хотели быть яркими и праздничными. Девушки перебегали от здания к зданию, как золотистые бабочки в лучах прожектора. Их платья светились нежнейшими оттенками полевых цветов.

Люди заходили в павильоны, откуда выплескивался

белый свет. Они становились под огромной лампой, как под светоносным душем, и купались в ее лучах, поднимая руки и подставляя свету то одну, то другую сторону своего костюма.

В павильоне открылась вторая дверь. Оттуда вышла девушка в платье, горевшем ярким зеленоватым светом, как будто бы на шелк были наклеены десятки тысяч живых светлячков.

Девушка, смеясь, протянула нам сложенную вчетверо газету, где цветным карандашом была обведена заметка:

«Пятнадцатого августа в наш город приехала бригада Светотехнического института. В ее задачу входило освещение цехов, предприятий, общественных зданий, городских улиц.

Работы бригады активно поддерживаются местными общественными организациями. Уже проведены первые удачные опыты освещения Кировского района. В центральный универмаг поступила светлая одежда, выполненная по рисункам лучших художников. Для освещения города ночью все дома и тротуары покрыты особой фосфоресцирующей краской.

Экспериментальные работы, связанные с освещением города, вызывают живейший интерес у населения. Эти работы дают значительный экономический эффект и способствуют поддержанию особой чистоты и гигиены в городе».

— Ну вот, кое-что начинаю понимать, — говорил дя-
дюшка. — А почему ваше платье огнем горит?

— Это наша светящаяся ткань, она тоже выкрашена фосфоресцирующей краской, — ответила девушка. — Днем она не видна; мельчайшие пылинки светящейся краски впитывают за день солнечные лучи, как бы являясь аккумуляторами дневного света, а ночью, в темноте, они отдают эту накопленную энергию. Такими свойствами обладают некоторые химические соединения, называемые сульфидами. Светят специальные нами составленные краски, в которые входят разные элементы, например цинк, кадмий, кальций, стронций. Такие краски мы называем люминофорами.

По улице проходили люди в светящихся костюмах: юноша в легкой рубашке голубоватого шелка (сульфид стронция), человек в сиреновом блестящем костюме (сульфид кальция), девушка в нарядном платье цвета солнечного апельсина (сульфид цинка и кадмий).

— Смотрите, дядюшка, они только что были под душем света, поэтому так ослепительно сверкают их костюмы.

Я взял карманный фонарик и подошел к светящейся голубоватой стене. Тонкий луч забегал по ее мерцающей поверхности. Яркими знаками загорелись буквы ZnS , SrS , CaS , MgS , CdS .

Вот так от луча света вспыхивают светящиеся краски. Здесь написаны их формулы.

— Вот о чем я хотел спросить, — заговорил дядюшка. — Что за таинственный знак — голубой квадрат?

— Никакой таинственности, это просто наша марка, — пояснил я. — Мы ее ставим на освещенные и фосфоресцирующие поверхности, для того чтобы следить за стойкостью наших красок. Иначе не угадаешь, где окрашенные костюмы, а где обыкновенные. Вот только краску для этой марки мы взяли необыкновенную — это фосфоресцирующий состав дневного света. Наша последняя работа. Днем состав кажется голубым, а ночью — белым. Смотрите, какой он яркий.

В небе, как странное квадратное солнце, пылал ослепительно белый экран.

— Сдаюсь, — протягивая мне руку, торжественно произнес дядюшка. — Теперь вижу, что никакого волшебства нет, а есть счастливые люди, которые хотят сделать свою землю нарядной, чистой и веселой.

Так может быть...

Через несколько лет мы не увидим ламп в городах. Зачем безустали работающим электростанциям отдавать ночью тысячи киловатт энергии? Неужели затем, чтобы освещать улицы, стены домов, вывески, двери подъездов, тротуары? И улицы, и стены, и вывески сами могут быть источниками света.

Поверхность домов, стен, подъездов тонкой пленкой покроет фосфоресцирующий слой. Он впитывает солнечные лучи сквозь вату облаков и туманов, и ничем не примечательные днем дома и улицы ждут ночи. С наступлением сумерек чуть заметно посветлеют дома, чтобы к вечеру ярким светом отдать нам энергию солнца, без ламп и электростанций. Тысячи киловатт освобож-

денной электроэнергии потекут по другим проводам, чтобы было больше станков, и автомобилей, и золотистого шелка, и детских игрушек и меньше тяжелого человеческого труда.

Мы сделаем светлыми улицы, внутренности цехов и квартир. Мы оставим в зданиях лампочки, свет которых, отражаясь от стен пола и наших костюмов, будет многократно умножаться. Мы будем брать мало электроэнергии для освещения наших жилищ и цехов. А с улиц мы вовсе уберем электрический свет.

Я помню, как-то давно на столе у меня лежала белая роза из целлулоида. Ночью она светилась бледнозеленым светом. Поднесешь ее ближе к лампе, выкупаешь в лучах — она зацветет ярче, но уже другим, голубым пламенем, а через час снова побледнеет.

Нам раньше не удавалось получать краски, которые светятся больше двух часов. Они слабо светились, были дороги и разрушались от дождя и солнца. Еще во время Отечественной войны под руководством академика Вавилова в лабораториях изыскивались практически пригодные светящиеся краски. Наконец теперь найдены такие дешевые цинковые составы, так подобраны защитные лаки, что освещение города с помощью фосфоресцирующих красок становится реальностью.

Но неужели мы так высветлим мир, что больше не будет теней, темноты, черного цвета, не будет того контраста, что делает светлое особенно ярким? Нет, взгляните на темное августовское небо: какими яркими кажутся на его фоне мост триумфальной арки, легкий абрис балкона и остроконечный шпиль!

Небо останется темным, и от этого ярче заблестят земные огни.

Чехов говорил: «Мы увидим все небо в алмазах». Мы хотим еще большего — нам нужна земля в алмазах. Пусть сверкают алмазными россыпями города нашей родной земли, мы заслужили это.

Такой город я видел с крыши ленинградского завода в ноябре 1941 года. Гудела сирена, над головой слышался задыхающийся астматический рокот вражеского самолета. Потом опять тишина и темнота.

Я прятал в рукав синенький огонек маленького фонарика, он напоминал цветок колокольчика, и мне казалось, что ему холодно и что он единственный огонек в городе.

И вот, вглядываясь в эту ночную пустоту, я думал о сверкающем городе, и перламутровых красках, и людях в золотистых костюмах, и облаках мороженого в синем небе светящейся тарелки. Как хотелось света, ослепительного света, чтобы ходить с прищуренными глазами, понемногу впитывая в себя капельки лучистого торжества! Казалось, что этот свет нужен, как воздух, как хлеб, как вода.

А потом постепенно свет начали отпускать, как по карточкам, — сначала темный синий свет блокадного времени, потом у подъездов домов, потом на улицах робко зажелтели малюсенькие лампочки под огромными железными абажурами, от порывов ветра лампочки мерцали, потому что качались абажуры, которые, как широкополые шляпы, прикрывали лампочкам глаза.

Но это все было не то, мы хотели настоящего белого света, чтобы на улице был день. И мы знали, что это будет, знали даже тогда, когда прятали в рукавах синие фонарики.

Я видел в школьные годы в стеклянной колбе миниатюрную мельницу, она вертелась от давления световых лучей. Здесь лучи ощущались как осязаемая сила. Вот и в нашем завтрашнем городе мы будем во власти этого необычайного ощущения. Все как бы сольется в единый праздник огней иллюминаций, в карнавал сверкающих цветов.

В черных глазах юношей и девушек отразятся все огни этого города. Нарушая законы фосфоресценции, глаза людей будут блестеть, излучать какой-то новый, еще не открытый учеными свет — свет радости.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Шестое чувство	5
«Снегиревский эффект»	19
Новая кожа	39
Сто градусов	52
День и ночь	65

Для старшего возраста

Ответств. редактор *М. Поступальская*. Худож. редактор *С. Садомская*.
 Технич. редактор *Р. Кравцова*. Подписано к печати 4/II 1946 г.
 5 печ. л. (4,15 уч.-изд. л.). 35 000 зн. в печ. л. А00533.
 Тираж 45 000 экз. Заказ № 665. Цена 2 р. 50 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва,
 Сушевский вал, 49.

Цена 2 р. 50 к.